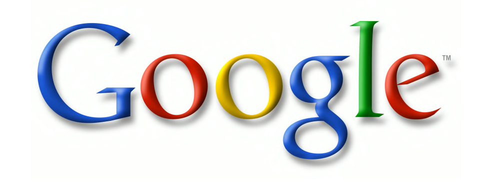

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ОЧЕРКЪ

ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОС

Д. В. ПОЛѢНОВА.

Составленъ И. Хрущовымъ,
дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Археологическаго Ор

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
1879.

1879 г. гравир.
Д. Полѣновъ

Khrushchov, I. P.

ОЧЕРКЪ

ИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

Д. В. ПОЛѢНОВА.

Составленъ **И. Хрущовымъ**,

ıтельнымъ членомъ Императорскаго Археологическаго Общества.

At mihi nunc narraturo vitam
defuncti hominis venia opus fuit.....
(Tacit. Agr. I.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1879.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическ Общества.

Секретарь *И. Помяловскій.*

12-го Апрѣля 1879 г.

13-го Октября 1878 года скончался одинъ изъ старѣйшихъ членовъ Императорскаго Археологическаго Общества — завѣдывающій Архивомъ II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи тайный совѣтникъ Димитрій Васильевичъ Полѣновъ. Покойный сверхъ того числился состоявшимъ при оберъ-прокурорѣ Святѣйшаго Синода и носилъ званіе почетнаго мироваго судьи Лодейно - Польскаго уѣзда Олонецкой губерніи. Онъ былъ съ 1861 г. членомъ—корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ, почетнымъ членомъ Императорской Публичной Библіотеки (съ 1859 г.) и дѣйствительнымъ членомъ обществъ: Географическаго, Историческаго въ С.-Петербургѣ и Московскаго Общества исторіи и древностей.

Димитрій Васильевичъ родился 28-го Мая 1806 года въ Петербургѣ, близь церкви Покрова, въ домѣ своего дѣда Алексѣя Яковлевича Полѣнова. Предки Полѣновыхъ были служилыми людьми и дворянами съ начала XVII-го столѣтія. Они жили въ Костромской губерніи, гдѣ у нихъ были небольшія помѣстья. Два сына Филимона Другана Полѣнова были при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ зачислены въ Рейтары. Сынъ Петра Филимонова Димитрій служилъ также рейтаромъ; сынъ же послѣдняго Кондратій былъ призванъ на службу въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ и находился въ разныхъ походахъ и сраженіяхъ во время

царствованія Петра Великаго и «за старостью и ранами уволенъ въ отставку». Сынъ же Кондратія Яковъ учился въ Заиконоспасской академіи латинскому языку и словеснымъ наукамъ, въ царствованіе Анны Іоанновны вступилъ въ лейбъ-гвардіи Преображенской полкъ солдатомъ и былъ при осадѣ Очакова. Сынъ воина, обучавшагося въ Заиконоспасской академіи обучался уже въ гимназіи, учрежденной при Академіи Наукъ. Это былъ тотъ приснопамятный Алексѣй Яковлевичъ, чье сочиненіе: *О крѣпостномъ состояніи крестьянъ въ Россіи* появилось за сто лѣтъ до ихъ освобожденія.

Замѣчательно образованный законовѣдъ, писатель и переводчикъ Академіи Наукъ Алексѣй Яковлевичъ рѣшился въ свою очередь образовать своего сына Василія «основательно и, какъ говорится, классически. Въ 1783 году онъ опредѣлилъ его въ гимназію Академіи Наукъ. Это было замѣчательное время въ ученыхъ нашихъ лѣтописяхъ: послѣдній годъ жизни Эйлера и первый годъ россійской Академіи», такъ говоритъ П. А. Плетневъ въ «*Запискѣ о жизни и трудахъ академика Василія Алексѣевича Полѣнова*[1]). «Всѣ академики, тогда прославившіеся учеными путешествіями своими отъ Палласа до Лепехина еще были въ живыхъ: можно вообразить какое вліяніе чувствовали воспитанники отъ самыхъ именъ столь извѣстныхъ людей. Неудивительно, что Василій Алексѣевичъ, посреди заботъ житейскихъ и служебныхъ, не находилъ пріятнѣйшаго для себя развлеченія, какъ труды ученые. Въ нихъ, по собственному его выраженію, онъ вкушалъ любимое отдохновеніе». И вотъ эта—то любовь къ ученымъ трудамъ перешла и на третье поколѣнье. Про Димитрія Васильевича можно тоже сказать, что сказалъ П. А. Плетневъ про отца его: посреди заботъ житейскихъ и служебныхъ онъ не находилъ пріятнѣйшаго для себя развлеченія, какъ труды ученые.

---

[1]) Отчетъ Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1851 г

Димитрій Васильевичъ рано лишился матери (Маріи Андреевны Хоненевой). Во время вдовства отца своего онъ былъ помѣщенъ въ пансіонъ, а потомъ въ Горный Корпусъ.—Отроческая жизнь его перемѣнилась къ лучшему съ вступленіемъ отца его во второй бракъ съ дочерью сенатора Матвѣя Корнильевича Бороздина. Мачиха пригрѣла пасынковъ материнскою любовью и попеченіемъ. На каникулахъ она сама занималась съ ними, и Димитрій Васильевичъ всегда съ особенною теплотою и благодарностью вспоминалъ о мачихѣ. Семейство Василія Алексѣевича, послѣ его втораго брака стало многочисленно. Кромѣ трехъ сыновей и восьми дочерей въ домѣ его жили многіе близкіе родственники. Сверхъ того дальніе родственники и свойственники, равно какъ и родственныя дѣти, помѣщенныя жившими въ деревняхъ родителями въ С.-Петербургскія учебныя заведенія, сходились во всякой воскресный день и праздникъ за гостепріимной трапезой въ домѣ Василія Алексѣевича. Кругъ Полѣновыхъ походилъ на многолюдный родовой союзъ; Василій Алексѣевичъ и жена его были патріархами, а домъ ихъ очагомъ этого союза.

Самъ Василій Алексѣевичъ, несмотря на то, что состоялъ въ теченіи долгихъ лѣтъ въ высокой должности по министерству Иностранныхъ дѣлъ (онъ былъ директоромъ департамента Внутреннихъ сношеній и начальникомъ Государственныхъ Архивовъ) былъ большимъ домосѣдомъ, почти не ѣздилъ въ свѣтъ, и изъ постороннихъ у него еженедѣльно по субботамъ собирались только его товарищи по Академіи. Домосѣдомъ и семьяниномъ провелъ и Димитрій Васильевичъ свою жизнь.

14 лѣтъ отъ роду Д. В. вступилъ въ Петербугскій университетъ, гдѣ и жилъ нѣкоторое время въ квартирѣ своего дяди по мачихѣ Константина Матвѣевича Бороздина, попечителя университета. Еще студентомъ онъ былъ зачисленъ на службу въ вѣдомство Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ; курсъ же кончилъ кандидатомъ по отдѣленію юридическихъ наукъ на 21 году отъ рожденія (15-го февраля 1827).

Изъ своихъ университетскихъ товарищей Д. В. былъ осо-

бенно близокъ съ А. В. Никитенкомъ, у котораго онъ сошелся позднѣе и съ лучшимъ своимъ другомъ, младшимъ ему по выпуску, математикомъ Ѳ. В. Чижовымъ.

Первыя пять лѣтъ по выходѣ изъ университета Д. В. продолжалъ службу по министерству Иностранныхъ дѣлъ и преимущественно по коммиссіи по Высочайшему повелѣнію учрежденной по дѣламъ о удовлетвореніи Русскихъ подданныхъ, понесшихъ разные убытки отъ неправыхъ распоряженій Оттоманской Порты. Въ 1832 году, мая 3-го, онъ былъ назначенъ секретаремъ при миссіи нашей въ Греціи.

Въ Греціи Димитрію Васильевичу довелось прожить цѣлые четыре года. Сохранившіяся письма его къ родителямъ съ пути и съ мѣста его пребыванія, изъ Навпліи и Аѳинъ, знакомятъ съ тѣми сторонами умственной жизни Димитрія Васильевича, благодаря которымъ имя его не затерялось въ спискѣ чиновъ министерства Иностранныхъ дѣлъ, а осталось именемъ добраго дѣлателя на пользу Русской археологіи и исторіи.

Первый разъ въ жизни молодому человѣку пришлось совершить путешествіе. Со станціи «Крестцы» онъ пишетъ родителямъ о новыхъ чувствахъ, нахлынувшихъ на душу — чувствахъ возбужденной любознательности и грусти отъ разлуки съ близкими. Въ Новгородѣ, съ почтоваго двора, онъ бѣжитъ осматривать Софійскій соборъ и Корсунскія ворота, «на которыя мнѣ — пишетъ онъ — особенно хотѣлось взглянуть».

Заѣхавъ въ деревню къ своему старшему брату, неподалеку отъ Москвы, Димитрій Васильевичъ вмѣстѣ съ нимъ подъѣзжаетъ къ древней столицѣ. «Мнѣ, не видѣвшему ничего болѣе кромѣ Петербурга и его плоскихъ окрестностей казались восхитительными всѣ пригорки, покрытые разноцвѣтными полосами земли, всѣ кустарники, живописно расположенные по скатамъ. Не рѣдко эти виды украшаются деревнею съ хорошо выстроенною церковью, или господскимъ домомъ...... Недоѣзжая 10 верстъ до города, мы встрѣтили Малиновскаго, который, какъ я послѣ узналъ, ѣхалъ въ свою деревню (за московную), располагая пробыть тамъ

около недѣли. Мы остановились, и братъ отрекомендовалъ меня ему на дорогѣ, гдѣ я, по желанію его, вручилъ ему письмо ваше, любезнѣйшій Папинька, бывшее къ счастію при мнѣ. Узнавши изъ содержанія онаго, что вы просите показать мнѣ Московскій нашъ Архивъ, Алексѣй Ѳедоровичъ отдалъ брату письмо ваше съ тѣмъ, чтобы показалъ его служащему въ Архивѣ секретарю Наумову....»

«Скоро Москва начала показываться» — продолжаетъ Димитрій Васильевичъ въ томъ же письмѣ и восторженно передаетъ свое впечатлѣніе, когда взору его открылась панорама Бѣлокаменной. Братья ѣдутъ черезъ всю Москву тихо, и братъ Москвичъ не поспѣваетъ удовлетворять всѣмъ вопросамъ брата Петербуржца.

«Мы проѣхали мимо одной наружной части кремля и я уже долженъ былъ перемѣнить мое мнѣніе о Москвѣ. Всё, что я ни воображалъ объ этомъ городѣ, превзошло мое ожиданіе. Съ перваго взгляду я находилъ въ немъ столько любопытнаго и столько прекраснаго, что смотрѣлъ на всё съ жадностью и теперь благословляю случай, доставившій мнѣ возможность побывать въ этомъ великомъ мѣстѣ. Могу даже сказать, что я уже многое видѣлъ, ибо видѣлъ Москву».

Димитрій Васильевичъ описываетъ слегка внутренность соборовъ, сокровища Оружейной Палаты, но долѣе всего останавливается на Архивѣ министерства Иностранныхъ дѣлъ и на Патріаршей ризницѣ.

«Г. Наумовъ водилъ насъ по всѣмъ комнатамъ и показывалъ только достойнѣйшее изъ достойнаго вниманія, ибо за краткостью времени невозможно было видѣть всего. Мнѣ показывали оригинальныя граматы Русскихъ великихъ князей, разныя граматы перваго Самозванца и другія, а что показалось мнѣ всего болѣе любопытнымъ, то это подлинная грамата о избраніи на царство Михаила Ѳедоровича. Она хранится сверткомъ съ величайшею бережностью; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ однако попорчена, я видѣлъ только начало ея, ибо какъ мнѣ сказывали, длина ея содержитъ 18 аршинъ».

«Въ Москвѣ можно поучиться Русской исторіи» восклицаетъ Димитрій Васильевичъ то, по обгорѣлымъ домамъ вспоминая о двѣнадцатомъ годѣ, то переносясь къ временамъ Пересвѣта и Ослябы, по поводу гробницъ ихъ въ Симоновѣ, которыя ему показывали за древнія и которыя онъ однако же немедленно отнесъ къ половинѣ прошлаго столѣтія.

Обзоръ Патріаршей ризницы, сдѣланный Димитріемъ Васильевичемъ, любопытенъ какъ со стороны характеристики влеченій будущаго археолога, такъ и со стороны обрисовки простодушныхъ взглядовъ на древнія вещи отца ризничаго, по словамъ Димитрія Васильевича, умнаго монаха и не невѣжды. Такъ например, Димитрій Васильевичъ осматриваетъ одежды патріарховъ и митрополитовъ Русскихъ; омофоръ греческой работы ризничій называетъ ему омофоромъ Николая Чудотворца «Ризничій—пишетъ Димитрій Васильевичъ—находился часто въ большомъ затрудненіи отвѣчать на многіе вопросы о происхожденіи различныхъ рѣдкостей, находящихся въ ризницѣ. Онъ говорилъ, что сказываетъ всё, что знаетъ, но что ни ему, ни предмѣстникамъ его неизвѣстно, какимъ случаемъ пріобрѣтены для ризницы. Я осмѣлился посовѣтывать ему порыться въ лѣтописяхъ и архивахъ, то есть заняться археологическими розысканіями и отыскать происхожденіе хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ, увѣряя его, что такое занятіе при особенной охотѣ и постоянномъ трудѣ могло бы быть увѣнчано хорошимъ успѣхомъ... Осмотрѣвши вещи, я спросилъ его о библіотекѣ. Ризничій показалъ мнѣ шкапы со стеклами, стоящіе по одной сторонѣ стѣны. Въ нихъ находились книги—не могу сказать въ порядкѣ ли? Я попросилъ его показать древнѣйшую рукопись. Онъ вынулъ изъ особаго мѣста двѣ книги, одну на славянскомъ: служебникъ, писанный въ княженіе Іоанна Калиты, а другую на греческомъ: евангеліе апостола Луки. Неизвѣстно какимъ образомъ досталась намъ и эта драгоцѣнность, сказалъ Ризничій, но преданье говоритъ, что будто бы это Евангеліе писано самимъ апостоломъ».

«Мы осмотрѣли разницу такъ подробно, какъ только позво-

ляло намъ время; при чемъ опасались затруднить и самаго ризничаго».

Все это Димитрій Васильевичъ писалъ уже изъ Курска: такъ онъ былъ полонъ Московскихъ впечатлѣній. Подробностей о южной Россіи и даже объ Одессѣ довольно мало въ письмахъ.—Второе письмо изъ Константинополя интересно описаніемъ Буюкдере и характеристикою Бутенева, посланника нашего въ Турціи.—Въ самый Константинополь Димитрій Васильевичъ не попалъ по случаю карантинной преграды; за то онъ восторженно описываетъ красоты природы окрестностей Буюкдере.—Аполлинарій Петровичъ Бутеневъ любезностью, гостепріимствомъ, живымъ интересомъ, съ которымъ онъ слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ литературномъ мірѣ, сдѣлалъ пребываніе Димитрія Васильевича въ Буюкдере особенно пріятнымъ. Они въ двоемъ совершали прогулки верхомъ по окрестнымъ долинамъ. Описывая одну изъ такихъ прогулокъ, Димитрій Васильевичъ говоритъ: «въ этотъ разъ я видѣлъ одно достопримѣчательное мѣсто—это долину, въ которой останавливался лагеремъ Годфридъ Бульонскій, когда отправлялся въ Палестину... Бутеневъ, указывая мнѣ на одну купу деревьевъ увѣрялъ, что подъ ними былъ раскинутъ шатеръ рыцаря—крестоносца». Въ Буюкдере Димитрій Васильевичъ заинтересовался водопроводами, устроенными еще Римскими императорами.

Въ ожиданіи своего отъѣзда Димитрій Васильевичъ испросилъ у Бутенева позволенія ознакомиться нѣсколько съ дѣлами страны, куда онъ отправлялся «чтобы пріѣхать туда не только не съ пустыми руками, но и не съ пустою головою». Ему конечно были доставлены всѣ дѣла и свѣдѣнія, какія только находились въ Миссіи.

18-го Сентября 1832 г. прибылъ нашъ путешественникъ въ Наполи-ди-Романія; и радъ онъ былъ вступить на землю послѣ путешествія, часто прерываемаго остановками, изъ которыхъ одна похожа была на заключеніе. Онъ выдержалъ карантинъ на островѣ Специи. Наглядно и подробно описываетъ онъ отъ скуки и этотъ островъ и самое неуклюжее зданіе карантина и томительное въ немъ заключеніе и холодъ и ночныя тревоги во время

бури, которая, казалось, готова была снести зданіе карантина, или залить его водой.

«Наканунѣ выпуска (изъ карантина) мы стали заботиться о переѣздѣ нашемъ въ Наполи-ди-Романью и объявили инспектору о затрудненіи, въ которомъ мы находились при этомъ случаѣ, не зная какія употребить средства къ пріисканію намъ судна. Онъ отвѣчалъ намъ, чтобы мы оставались спокойны и ни о чемъ не заботились. 12 Сентября рано по утру явились къ намъ инспекторъ съ своимъ секретаремъ. Мы еще не были одѣты, какъ они вошли къ намъ въ комнату. Радостныя ихъ лица показывали, что они принесли намъ пріятныя извѣстія. Поздравивъ насъ съ освобожденіемъ, они стали съ нами при этомъ цѣловаться. Мнѣ чрезвычайно понравился этотъ обычай — и тѣмъ болѣе было пріятно, что всё предыдущее время они не только до насъ не дотрогивались, но боялись близко подойти къ намъ, не столько почитая насъ зараженными, сколько для соблюденія хотя по наружности карантинныхъ правилъ. Мы пригласили ихъ сѣсть на чемъ случилось, и я приказалъ подать имъ трубки и кофе. Между тѣмъ, какъ мы ихъ такимъ образомъ угощали — пріѣхала лодка, которая должна была отвезти насъ въ Наполи. Такъ какъ намъ непремѣнно надобно было оставаться въ Спеціи до полудня по той причинѣ, что съ полудня дуетъ южный вѣтеръ, то есть попутный въ Наполи, то мы и вознамѣрились употребить время до отъѣзда на посѣщеніе губернатора острова»...

Впечатлѣнія иноземныхъ обычаевъ, оффиціальныхъ встрѣчъ и знакомствъ, православнаго богослуженія и уличныхъ процессій въ письмахъ Димитрія Васильевича переданы живо и отчетливо. Жизнь русскаго посольства въ Навпліи, забавы и удовольствія, прогулки по окрестностямъ съ археологическою цѣлью, пріѣздъ короля Оттона въ Навплію и переѣздъ его и посольства нашего въ Аѳины, наконецъ жизнь въ Аѳинахъ: Дворъ и классическія развалины — всё это передъ глазами читателя нѣжныхъ, ласковыхъ писемъ Димитрія Васильевича къ его «дражайшимъ родителямъ».

Описанія мѣстностей точны и обстоятельны. Вотъ, напримѣръ, описаніе Навпліи:

«Городъ построенъ на небольшой, выдавшейся въ заливъ возвышенности, которая съ южной стороны, или со стороны моря, составляя крутую стѣну, идетъ въ противоположное направленіе къ сѣверу покатостію. Къ этой возвышенности примыкаетъ огромная крутая скала, на которой построена крѣпость Паламида. Самый городъ также укрѣпленъ: съ низменной части онъ обнесенъ толстою стѣною, а съ другой стороны на высшей части находится небольшая крѣпость, называемая Ичь-Кале. Всё это труды Венеціанъ, которыхъ памятники кромѣ стѣнъ и крѣпостей сохраняются еще въ Наполи и состоятъ изъ нѣсколькихъ развалинъ большихъ домовъ. Можно тотчасъ узнать, что городъ былъ подъ Турецкимъ владычествомъ Трудно представить неправильность его: улицы узкія, кривыя и множество турецкихъ домовъ... Покойный президентъ сдѣлалъ для него планъ, по которому выстроены только двѣ улицы, хотя не очень широкія, но прямыя»...

«Со времени кончины графа Каподистріа оставлено всякое смотрѣніе за чистотою... Кучи всякого сору выбрасываются изъ домовъ на улицы. — Въ верхней части города видъ очень хорошъ. На первомъ планѣ видно море, то есть часть залива, посереди котораго, на небольшомъ островкѣ, построена красивая крѣпостца; далѣе—вся Аргосская долина съ городомъ Аргосомъ, лежащемъ подъ горою, на которой также есть крѣпость. Нѣсколько далѣе на большомъ и вѣроятно искуственномъ холмѣ находятся развалины Тиринта, одного изъ самыхъ древнѣйшихъ городовъ Греціи, состоящія теперь изъ груды камней. Возлѣ Тиринта стоитъ недавно построенный большой домъ, гдѣ была заведена покойнымъ гр. Каподистріа образцовая ферма, учрежденіе весьма полезное для здѣшней страны, но къ сожалѣнію существовавшее только при жизни его»... «Всѣ, описанные мною предметы—заключаетъ Димитрій Васильевичъ—расположены по Аргосской долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ гранитными горами, не покрытыми никакими произрастеніями. Голыя, сѣрыя

бури, которая, казалось, готова была снести зданіе карантина, или залить его водой.

«Накануне выпуска (изъ карантина) мы стали заботиться о переѣздѣ нашемъ въ Наполи-ди-Романью и объявили инспектору о затрудненіи, въ которомъ мы находились при этомъ случаѣ, не зная какія употребить средства къ прiисканію намъ судна. Онъ отвѣчалъ намъ, чтобы мы оставались спокойны и ни о чемъ не заботились. 12 Сентября рано по утру явились къ намъ инспекторъ съ своимъ секретаремъ. Мы еще не были одѣты, какъ они вошли къ намъ въ комнату. Радостныя ихъ лица показывали, что они принесли намъ пріятныя извѣстія. Поздравивъ насъ съ освобожденіемъ, они стали съ нами при этомъ цѣловаться. Мнѣ чрезвычайно понравился этотъ обычай — и тѣмъ болѣе было пріятно, что всё предыдущее время они не только до насъ не дотрогивались, но боялись близко подойти къ намъ, не столько почитая насъ зараженными, сколько для соблюденія хотя по наружности карантинныхъ правилъ. Мы пригласили ихъ сѣсть на чемъ случилось, и я приказалъ подать имъ трубки и кофе. Между тѣмъ, какъ мы ихъ такимъ образомъ угощали — пріѣхала лодка, которая должна была отвезти насъ въ Наполи. Такъ какъ намъ непремѣнно надобно было оставаться въ Специи до полудня по той причинѣ, что съ полудня дуетъ южный вѣтеръ, то есть попутный въ Наполи, то мы и вознамѣрились употребить время до отъѣзда на посѣщеніе губернатора острова»...

Впечатлѣнія иноземныхъ обычаевъ, оффиціальныхъ встрѣчъ и знакомствъ, православнаго богослуженія и уличныхъ процессій въ письмахъ Димитрія Васильевича переданы живо и отчетливо. Жизнь русскаго посольства въ Навпліи, забавы и удовольствія, прогулки по окрестностямъ съ археологическою цѣлью, пріѣздъ короля Оттона въ Навплію и переѣздъ его и посольства нашего въ Аѳины, наконецъ жизнь въ Аѳинахъ: Дворъ и классическія развалины — всё это передъ глазами читателя нѣжныхъ, ласковыхъ писемъ Димитрія Васильевича къ его «дражайшимъ родителямъ».

-альною. О стихотвореніяхъ Бенедиктова онъ пишетъ, что они -ставили ему истинное удовольствіе.

Наконецъ начались давно желанныя поѣздки по странѣ и -мотръ развалинъ. Считаемъ не лишнимъ остановить вниманіе -тателя этой біографіи на описаніи т. н. Агамемноновой гробницы . Микенахъ.

«Я не могъ еще доискаться—пишетъ Димитрій Васильевичъ -щу—кѣмъ дано это названіе и что послужило поводомъ къ оному; - до сихъ поръ оно остается совершенно произвольнымъ, ибо нѣтъ -какихъ положительныхъ доказательствъ, чтобы тутъ былъ по-ребенъ царь. Какъ бы то ни было, этотъ памятникъ весьма хо-рошо сохранился, онъ устроенъ на вершинѣ горы и снаружи не -ѣетъ никакихъ признаковъ: такъ что можно подъѣхать къ са-мому мѣсту гробницы и не замѣтить чего нибудь на нее похо-жаго. Входъ во внутренность ея находится со стороны противной -й, къ которой подъѣзжаешь. Первый предметъ, обращающій - себя вниманіе, это цѣльный камень, составляющій верхнюю -сть дверей или архитравъ, имѣющій въ длину около полутора -сажень и по крайней мѣрѣ одну сажень въ ширину. Внутренность -состоитъ изъ большаго круглаго свода, или лучше сказать ко-нуса, обложеннаго тесанымъ гранитомъ. Замѣчательно особенно -, что какъ сводъ, такъ и другія части гробницы, не связаны -никакимъ укрѣпленіемъ, а камни лежатъ, выдаваясь по мѣрѣ того, -акъ идутъ къ верху, нѣсколько одинъ надъ другимъ и такимъ -бразомъ составляя конусъ чрезвычайно правильной фигуры. -вѣтъ проходитъ чрезъ два небольшія отверстія—одно, устроен-ное сверху, а другое съ боку надъ дверьми. На правой сторонѣ -тъ входа находится другая дверь, ведущая еще въ компату, -сли можно такъ назвать порядочное пространство, высѣченное -ь самой горѣ. Вообще этотъ памятникъ имѣетъ видъ подземной -ещеры. Здѣсь я имѣлъ случай видѣть одинъ изъ многочислен-ныхъ примѣровъ нынѣшняго состоянія Греціи. Я нашелъ эту -робницу наполненную мужчинами, женщинами и всякаго возра-ста дѣтьми, которые въ ней поселились. Деревня, гдѣ они жили,

находящаяся неподалеку отъ этого мѣста, была разорена семействъ принуждены были искать убѣжища въ этой гробı Описываетъ Димитрій Васильевичъ и другія развалины. Оп Микенъ, Аргоса, великолѣпныхъ остатковъ древности на Эгинѣ, развалинъ древняго Эпидавра, Элевзиса, вершины Пентеликона, въ особенности же разсказы объ участіи е раскопкахъ въ Аѳинахъ — представляютъ большой интер показываютъ, что онъ не на шутку пристрастился къ архео «Я чѣмъ болѣе смотрю — пишетъ онъ изъ Аѳинъ — и раз здѣшнія достопамятности, тѣмъ болѣе онѣ доставляютъ мнѣ вольствіе.... Я сто разъ видѣлъ Акрополисъ съ Парѳеноном не помню, чтобы вышедши изъ дому съ постороннимъ на ніемъ, я не взглянулъ на него и всегда съ какимъ-то уваже и удивленіемъ. А сколько разъ случалось посвящать нарочн сколько часовъ, чтобы насмотрѣться на этотъ изящный и чественный памятникъ природы и искуства».

Не однѣ классическія древности занимали Димитрія Ва евича: то онъ останавливается надъ циклопическою постройк то любуется крѣпостью Венеціанской эпохи, то разсматри во всѣхъ подробностяхъ христіанскій храмъ, построенный въ вѣкѣ и прилагаетъ къ своему письму снимокъ и переводъ санной на камнѣ надписи архіерея храмоздателя — или въ м ческомъ полу Византійской церкви прозрѣваетъ остатокъ ческаго храма [2]).

На третій годъ пребыванія въ Греціи Димитрію Васильı довелось совершить морское путешествіе въ Смирну. Онъ к но описываетъ и эту поѣздку, доставившую ему удовольств для насъ любопытны его нумизматическія симпатіи.

Въ Смирнѣ онъ знакомится съ Датскимъ консуломъ Ф нумизматомъ, мѣняется съ нимъ монетами и пріобрѣтает него медали эпохи Византійскихъ Императоровъ. «Я положи

[1]) Небольшая стѣна въ Аргосѣ.

[2]) Въ монастырѣ близь мѣстечка Астроса на противоположномъ Навплійскаго залива и нѣсколько южнѣе Навпліи.

ать — сообщаетъ онъ отцу — какую нибудь одну эпоху, эпо- Греческой Имперіи и преимущественно заняться собраніемъ далей къ ней одной относящихся». На счастіе новаго собирателя русскій консулъ г. Ивановъ былъ также нумизматъ и онъ по- рилъ Димитрію Васильевичу большое число монетъ Византій- ихъ императоровъ, такъ какъ спеціальность Иванова были го- да Малой Азіи.

Оставляя въ сторонѣ описанныя Димитріемъ Васильевичемъ зличныя событія изъ жизни Аѳинъ, танцовальные вечера, иллю- націи, концерты при дворѣ Оттона, гдѣ русскимъ молодымъ дямъ, служившимъ при миссіи выпадала видная роль, ска- мъ нѣсколько объ отношеніяхъ Димитрія Васильевича къ со- ечественникамъ, сблизившимся съ нимъ въ Греціи. Всѣ узнав- іе его тамъ Русскіе навсегда сохранили добрую о немъ память, нѣкоторые даже тѣсную связь дружбы. Семейство Г. А. Ка- казн и А. А. Скалона, проводившаго со стороны Русскаго пра- тельства новую границу Греціи, дипломаты: гг. Рашетъ, Феге- къ, Кистеръ на долго сохранили съ нимъ отношенія. Моряки, стившіе въ Аѳинахъ, завязали съ нимъ пріятельское знаком- во, возобновившееся въ Петербургѣ (Корниловъ, Лавровъ, ырыновъ). Димитрій Васильевичъ сохранялъ теплое воспоминаніе Е. В. Путятинѣ. Пишущему эту біографію пришлось случайно трѣтиться съ вице-адмираломъ Никоновымъ, который съ осо- енною теплотою вспоминалъ свое давнее посѣщеніе Аѳинъ, съ торыми неразрывно связано было самое доброе воспоминаніе о огда еще молодомъ Полѣновѣ.

Но болѣе всѣхъ другихъ сошелся Димитрій Васильевичъ съ олодымъ художникомъ — архитекторомъ, пенсіонеромъ нашей кадеміи Художествъ, Р. И. Кузьминымъ. Вмѣстѣ они дѣлали аскопки, возились съ колоннами, распознавая ордеры, остана- иваясь со страстнымъ вниманіемъ на фризахъ и архитравахъ на украшавшихъ эти послѣдніе триглифахъ и метопахъ.

«Въ послѣднее время — пишетъ Димитрій Васильевичъ отцу оему, отъ 6-го іюля 1835 года—насъ посѣщали здѣсь довольно

часто наши соотечественники, пріѣзжавшіе посмотрѣть Гре
Всякіе такіе путешественники доставляли намъ большое удов
ствіе, но посѣщеніе ни одного изъ нихъ не было для насъ т
занимательно, какъ пріѣздъ Брюлова, прославившагося наш
живописца, творца послѣдняго дня Помпеи. Онъ пріѣхалъ с
вмѣстѣ съ Г. Давыдовымъ, служащимъ въ нашемъ министерс
при Римской миссіи. Давыдовъ предпринялъ большое путешес
по всему Востоку и началъ его съ Греціи. Онъ пользуется ог
нымъ состояніемъ и кажется намѣревается выдать въ св
плоды своего путешествія. Его сочиненіе, если оно ему удас
должно быть нѣчто въ родѣ огромнаго и превосходнаго изд
графа Шуазёль-Гуфье [1]). Для этого Давыдовъ пригласилъ Брю
ему сопутствовать, взялъ изъ Рима архитектора Ефим
пенсіонера нашей Академіи, и сверхъ того нанялъ антиква
одного нѣмца, съ которымъ однакоже они уже разошлись,
тому что послѣдній хотѣлъ его просто обмануть т. е. проѣха
на счетъ Давыдова и ничего ему не сообщить изъ того, что
будетъ собрано. Дѣловыя хлопоты и еще сильная болѣзнь, к
рую выдержалъ здѣсь Брюловъ, не позволили мнѣ вполнѣ
пользоваться его обществомъ. Но по малымъ свиданіямъ, к
рыя мнѣ удалось имѣть съ нимъ видно, что кромѣ своего ху
ническаго генія онъ отличный человѣкъ во многихъ отношені
Хорошая и многосторонняя образованность показываются во в
его занимательныхъ и приправленныхъ остротою разговорахъ
когда онъ заговоритъ по художественной части, то къ глубо
познанію ея и вѣрному присоединяется еще пламень чувства
тутъ только его слушаешь. Онъ владѣетъ какою то особе
простотою въ обращеніи, которая придаетъ ему еще болѣе ор
нальности и ему вовсе неизвѣстна напыщенность полу-тала
Дорого я цѣнилъ удовольствіе быть и говорить съ подобнымъ

[1]) Книга В. Давыдова (нынѣ графа Орлова-Давыдова) вышла въ
подъ заглавіемъ: Путевыя записки, веденныя во время пребыванія на
ческихъ островахъ, въ Греціи, Азіи и Турціи. 2 части. С.-Петербургъ. 1
1840 г.

ѣкомъ. Грецiя вообще, исключая Аркадiи, ему мало понравилась.
о Аѳины, разумѣю ихъ древнiе памятники, привели его въ восторгъ... Я былъ вмѣстѣ съ нимъ въ Акрополисѣ въ первый день
о прiѣзда, когда мы взошли на холмъ, и Парѳенонъ открылся
ередъ нами, онъ воскликнулъ, всплеснулъ руками и остановился
акъ бы въ положенiи молящагося. Можетъ быть никогда древій язычникъ, видѣвшiй въ этомъ храмѣ присутствiе божества
воего, не подходилъ къ нему съ такимъ благоговѣнiемъ, въ каомъ стоялъ предъ нимъ Брюловъ. Онъ началъ потомъ разбиать его красоту. Онъ призналъ, что невозможно и никто еще
е достигъ до того, чтобы соединить эту необыкновенную простоту въ частяхъ съ такимъ величiемъ и легкостью. Мысль созанiя, исполненiе его, согласiе формъ и частей съ цѣлымъ, всё
го было имъ вычислено и оцѣнено по достоинству. Самое мѣстоположенiе храма, виды, которые со всѣхъ сторонъ представлясь и особливо виднѣвшееся между колоннъ Парѳенона море —
ичто не ускользнуло отъ зоркаго вниманiя Брюлова... Теперь я и
амъ смотрю на этотъ памятникъ совсѣмъ другими глазами. Мы не
мѣли съ собою Павзанiя, мы не слушали сухихъ объясненiй
вухъ археологовъ, бывшихъ съ нами, но я гораздо болѣе поялъ этотъ памятникъ изъ немногихъ словъ Брюлова, нежели изъ
сѣхъ слышанныхъ и читанныхъ ученыхъ и неученыхъ разсужнiй объ этомъ храмѣ».

Друга своего архитектора Димитрiй Васильевичъ покинулъ въ
реціи, когда возвратился въ Россiю. Р. И. Кузьминъ продолалъ писать ему сперва изъ Грецiи, потомъ изъ Италiи, гдѣ
ерьезно занялся реставрацiей Траянова форума и не разъ говоилъ въ послѣдствiи, что сочувствiе Димитрiя Васильевича подерживало его въ исполненiи трудныхъ задачъ. Изъ переписки
хъ видимъ, что Димитрiй Васильевичъ предъявлялъ Кузьмину
трогiя требованiя, послѣднiй же давалъ дружескiе отчеты во
сѣхъ своихъ работахъ и опирался на полное сочувствiе друга,
рiобрѣтеннаго въ Грецiи. Когда художникъ впадалъ въ сомнѣiе и слишкомъ безотрадно смотрѣлъ на себя и свою будущность,

Димитрій Васильевичъ писалъ ему: «Я опять напомню вамъ вы первый изъ Русскихъ художниковъ были въ Греціи и сдѣ дѣлю. Вы первый представили ученому свѣту настоящее вѣ изображеніе Эрехөея, о которомъ было извѣстно только по гадкамъ. Согласитесь, что честь не малая и что это лучш жели возстановлять на угадъ перевозстановленные памят Рима». Положеніе пенсіонера — художника, увлекшагося се ной работой за границей бываетъ весьма затруднительно. видимъ изъ писемъ талантливаго архитектора, что и онъ по наконецъ въ безвыходное положеніе — хоть бросай подвин далеко работу, да и доѣхать до Россіи не съ чѣмъ. Искр обращеніе его къ Димитрію Васильевичу вызвало со сторон слѣдняго значительное матеріальное содѣйствіе, которое съ поръ онъ многократно и послѣдовательно оказывалъ нерасч вому художнику. Это поражаетъ насъ съ той стороны, что Д рій Васильевичъ получалъ небольшое жалованье и находил зависимости отъ отца, не особенно богатаго и многосемей Достигши хорошаго положенія и почетнаго имени въ ряду ціалистовъ, ресторвраторъ Траянова форума до конца дней с сохранялъ самыя теплыя чувства къ другу, пріобрѣтенно Греціи.

Въ октябрѣ 1835 года Димитрій Васильевичъ до того ст вался на чужбинѣ, что просилъ отца выхлопотать ему от или посылку его курьеромъ на родину и съ нетерпѣніемъ далъ рѣшенія своей участи. Просилъ онъ объ этомъ и други наконецъ то дождался своего перемѣщенія въ Петербургъ маѣ 1836 года онъ отправился въ Смирну, а потомъ въ стантинополь. Его письма съ пути къ Катакази и Рашету (рищу по службѣ) и отвѣты ихъ показываютъ, что отъѣздъ Д рія Васильевича произвелъ пустоту въ тѣсномъ кругу Аөин друзей. На этотъ разъ Димитрію Васильевичу впервые шлось совершить долгій морской путь на пароходѣ. «Что за ваніе на пароходѣ» пишетъ онъ «летитъ да и только» — бываніе его въ Буюкдере и Константинополѣ было весьма п

но. Онъ познакомился съ новымъ секретаремъ посольства Туманскимъ и дружески встрѣтился съ своимъ прежнимъ знакомцемъ, В. П. Титовымъ, съ которымъ онъ иногда переписывался. Мать и сестра Бутенева и молодые графъ Хрептовичъ съ женой[1]) почти въ то же время прибыли въ Константинополь. — Петербургскія новости, книги, журналы встрѣтили Димитрія Васильевича въ домѣ Бутенева, а съ ними и новости Парижа, анекдоты о поведеніи Тьера и Гизо послѣ выхода въ отставку, отзывы о новыхъ произведеніяхъ Французской словесности. «Но самое любопытное — пишетъ Димитрій Васильевичъ Рашету изъ Константинополя — по части нашей литературы то, о чемъ мы въ Аѳинахъ даже не слыхали: это новый журналъ «Современникъ», издаваемый Пушкинымъ. По духу своему онъ въ совершенной опозиціи къ деспотическому тріумвирству Сенковскаго, Греча и Булгарина. Въ статьѣ: «О движеніи журнальной литературы» Сенковскій въ особенности не пощаженъ и всѣ дурныя его стороны раскрыты. Жаль однако же, что и хорошія его стороны, которыя, если не превосходятъ первыя, то съ ними равняются, не довольно показаны и слишкомъ умалены».

Во всякомъ случаѣ Димитрій Васильевичъ радуется, что литературное самовластіе Сенковскаго прекратится. Онъ перечисляетъ имена сотрудниковъ; Пушкина не считаетъ редакторомъ и говоритъ о помѣщенной имъ статьѣ: «Записки путешествія въ Арзрумъ» слѣдующее: «статья мало занимательная и еще менѣе достойная пера Пушкина, ибо всѣ впечатлѣнія схвачены на лету и набросаны слегка въ записную книжку. Мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о Грибоѣдовѣ, отрывокъ безподобный».

«Еще новый журналъ, о которомъ я мелькомъ слышалъ, это — «Московскій Наблюдатель», онъ издается новою Московскою шко-

---

[1]) Урожденной графиней Нессельроде. Графъ М. И. Хрептовичъ (нынѣ Оберъ-камергеръ) имѣлъ порученіе сдать Султану, послѣ уплаты имъ денежной контрибуціи, крѣпость Силистрію, занятую тогда Русскимъ гарнизономъ и 50 орудіями.

лою, жрецы которой люди съ большими достоинствами, какъ то: Погодинъ, Шевыревъ, Хомяковъ, всѣ воспитанники и поклонники Германской философіи. Этотъ журналъ довольно сухъ и гораздо ниже Пушкинскаго, но тоже въ опозиціи противъ Библіотеки».

Изъ переписки съ греческими друзьями заимствую еще фактъ важный въ жизни археографа. Димитрій Васильевичъ пишетъ изъ Константинополя къ состоявшему при миссіи въ Аѳинахъ г. Ленцу — проситъ отыскать въ извѣстной связкѣ въ архивѣ миссіи его проэктъ приведенія всего архива миссіи въ порядокъ. «Когда то движимый ревностью ко благу и пользѣ всего, что относилось къ нашей миссіи, я принялъ намѣреніе привести весь архивъ ея въ систематическій порядокъ».

Одесскій карантинъ даетъ поводъ къ длиннымъ письмамъ къ родителямъ, и въ Грецію. Тогда между прочимъ Димитрій Васильевичъ прочелъ въ «Библіотекѣ для чтенія» Джуліо Мости Кукольника и очень хвалитъ это произведеніе, въ которомъ тема Пушкина Моцартъ и Сальери развернута обширнѣе. «Жаль только — оговаривается онъ — что поэтъ слишкомъ играетъ умомъ и не вездѣ ясенъ. Слогъ недовольно ровенъ во всѣхъ мѣстахъ, но за то мѣстами отлично хорошъ».

Но какой карантинъ выдержали его книги! По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ долго, долго хлопоталъ о томъ, чтобы ему ихъ выдали. Сохранился цѣлый рядъ черновыхъ просительныхъ писемъ по поводу полученія ихъ изъ цензуры.

Радостно принятый родными и друзьями[1]) и обласканный началь-

---

[1]) Товарищъ Димитрія Васильевича по Университету М. П. Сорокинъ на дружеской пирушкѣ по поводу возвращенія Полѣнова изъ Греціи, произнесъ:

Чашу съ братскимъ поцѣлуемъ
Поднося, нашъ милый братъ,
Совокупно торжествуемъ
Вожделѣнный твой возвратъ.
Какъ досель ты видишь вмѣстѣ
Неизмѣнныхъ братій кругъ;
Въ немъ на жертвенникѣ чести
Свѣтлый пламень не потухъ.

ствомъ Димитрій Васильевичъ однакоже не безъ сожалѣнія вспоминалъ о Греціи. Онъ живо интересуется всякимъ новымъ открытіемъ въ Аѳинахъ и проситъ друзей сообщать подробности. «Я собираюсь — пишетъ онъ Рашету — что нибудь тиснуть о Греціи и теперь этимъ занимаюсь. Винкельманъ у меня подъ бокомъ». О томъ же онъ пишетъ Кузьмину: «Пріѣхавши сюда, я только и слышалъ со всѣхъ сторонъ: напиши свое путешествіе, сдѣлай описаніе Греціи. Я подумалъ и точно нахожу, что это дѣло возможное и принялся читать да разыскивать; хотѣлось бы сдѣлать что нибудь порядочное. Разумѣется, что и безъ вашего содѣйствія очень будетъ трудно обойтись. И если хотите сдѣлать мнѣ большое одолженіе, то на первый случай пришлите общія мѣры Ѳисевса (Тезея) тѣ, которыя мы вмѣстѣ дѣлали». Трудъ этотъ однакоже не былъ совершенъ, по причинамъ намъ неизвѣстнымъ, и Димитрій Васильевичъ никогда въ послѣдствіи не упоминалъ о немъ.

Въ письмахъ изъ Петербурга Димитрій Васильевичъ описываетъ улучшенія столицы и новую роскошь, которая особенно поразила его послѣ Греціи. Говоритъ и о театрахъ: «они измѣнились; Итальянской оперы къ сожалѣнію нѣтъ, но есть Французская. Воробьева отличается удивительно прекраснымъ голосомъ — Robert le diable, Le dieu et la bayadère». . . .

«Но необыкновенное явленіе на нашемъ театрѣ новая Русская опера. Названіе ея: Жизнь за царя, содержаніе то же, что давно извѣстной оперы: Иванъ Сусанинъ. Музыка, можетъ быть уже извѣстнаго вамъ по слуху, Глинки, человѣка съ обширными музыкальными дарованіями. Онъ составилъ ее въ совершенно народномъ родѣ. Въ ней безпрестанно слышишь отголоски знакомыхъ, пріятныхъ звуковъ, обработанныхъ съ большимъ искуствомъ въ большія аріи». . . .

«Въ свѣтѣ я до сихъ поръ нигдѣ не показываюсь и даже не

Ни отъ битвы, ни отъ чаши
Не отказывались мы;
Также полны кубки наши,
Чисты души и умы. —

имѣю намѣренія являться. Для этого нужно много хлопотъ, рысканья, принужденія, униженія, траты времени, и всё это для меня безъ малѣйшаго вознагражденія».

Въ Февралѣ 1837 г. Димитрій Васильевичъ поѣхалъ по домашнимъ дѣламъ на короткое время въ Москву. Онъ писалъ оттуда въ Константинополь Владиміру Павловичу Титову: «Знакомство мое съ Шевыревымъ само по себѣ было для меня такимъ пріятнымъ подаркомъ, какого я не могъ воображать. Но кромѣ того онъ, повинуясь гласу вашему, отъ Востока грядущему, познакомилъ меня съ большею частію Московской ученой братіи, собравъ ихъ у себя на вечерѣ. Общество состояло изъ соли Москвы. Извѣстные вамъ не по однимъ именамъ были: Погодинъ, Хомяковъ, Андросовъ. Число всѣхъ присутствовавшихъ простиралось до 15—всё люди образованные и мыслящіе. Бесѣда съ такими людьми всегда имѣетъ цѣну, но нынѣ, при томъ оцѣпенѣніи, которому съ недавняго времени подверглось всякое сообщеніе мыслей, теперь, говорю, подобная бесѣда — золотой рудникъ».

Но, жалуясь на оцѣпенѣніе, Димитрій Васильевичъ въ этомъ же письмѣ является выразителемъ нетерпимости того времени. Онъ разсказываетъ исторію Чадаева: «Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, въ одномъ изъ журналовъ, именно въ «Телескопѣ», появилась статья подъ названіемъ: Философскія письма, сочиненныя на французскомъ языкѣ нѣкоимъ Чадаевымъ. Предметомъ этой статьи была Россія. Но никакое твореніе, писанное на иностранныхъ языкахъ съ цѣлью выставить однѣ дурныя ея стороны, не можетъ идти въ сравненіе съ тѣмъ утонченнымъ и злобнымъ ругательствомъ, какое разсѣяно во всей статьѣ Чадаева. До сихъ поръ въ чужеземныхъ книгахъ мы встрѣчали изображенія такихъ недостатковъ, которые происходятъ либо отъ необразованности народа, либо отъ временныхъ ошибокъ, которыя могутъ быть исправлены, но Чадаевъ недовольствуется этимъ. Начиная разсматривать Россію отъ самого ея рожденія, онъ, не обинуясь, говоритъ, что мы явились въ міръ какъ незаконнорожденныя дѣти, — мы цѣлые вѣка

не только не существовали для другихъ, но даже и для самихъ себя—не имѣемъ ни одного воспоминанія, которое бы насъ остановило, ни одного памятника, который говорилъ бы намъ о прошедшемъ, ни одного наставительнаго примѣра въ народныхъ преданіяхъ... Мы стоимъ на самой нисшей ступени общественной лѣстницы. Въ нашихъ лучшихъ головахъ есть что-то больше, чѣмъ неосновательность; въ крови у насъ есть что-то отталкивающее, враждебное совершенству. Источникъ этого ничтожества, въ которомъ мы пребывали, заключается въ томъ, что мы приняли и сохранили религію не отъ Запада, а отъ Востока, отъ растлѣнной Византіи»...

Крайне возмущенный выводами и ложными основаніями Чадаева, Димитрій Васильевичъ разсказываетъ о карѣ, постигшей Чадаева, редактора Надеждина и цензора Болдырева. Послѣдняго впрочемъ онъ оправдываетъ и считаетъ за жертву довѣрчивости, обманутую Надеждинымъ [1]). Въ этомъ же письмѣ Димитрій Васильевичъ съ глубокою грустью говоритъ о смерти Пушкина «убитаго какимъ-то Дантесомъ».

Весною того же 1837 года Полѣновъ былъ командированъ въ Саратовскую губернію «по дѣламъ до Внутренней Киргизской Орды относящимся». Командировка эта продолжалась цѣлые шесть мѣсяцевъ. Порученіе, данное ему, какъ дипломатическому чиновнику, состояло въ томъ, чтобы войдти въ подробности тяжбы хана съ Саратовскимъ губернскимъ начальствомъ о количествѣ земли въ 60,000 десятинъ, съ одной стороны необходимой Киргизамъ для пастбищъ, съ другой стороны понадобившейся губернскому начальству для вновь учрежденнаго уѣзднаго города. Коммиссія, на которую возложено было рѣшеніе дѣла, состояла изъ нашихъ депутатовъ различныхъ вѣдомствъ и Киргизскихъ депутатовъ.

---

[1]) Надеждинъ, какъ оказалось въ послѣдствіи, самъ по небрежности не обратилъ вниманія на содержаніе статьи Чадаева. Послѣ того Надеждинъ жилъ и служилъ въ Петербургѣ и былъ дружественно знакомъ съ Полѣновымъ. —

Подполковнику Тетеревникову поручено было сдѣлать съемку кочевья, простиравшагося на 800,000 десятинъ. Для этого коммиссія въ цѣломъ ея составѣ должна была кочевать нѣсколько мѣсяцевъ и проживать въ кибиткахъ. Послѣ съемки коммиссія сдѣлала путешествіе къ ставкѣ хана Джангера. Три дня провели депутаты въ ставкѣ хана и провели не безъ удовольствія: пріемъ имъ былъ оказанъ самый внимательный и ласковый. Они ночевали на атласныхъ пуховикахъ, въ кибиткахъ, уставленныхъ и увѣшанныхъ драгоцѣнностями, пили кумысъ съ рисомъ, который имъ показался нектаромъ послѣ степнаго кумыса, единственнаго напитка на кочевьѣ, гдѣ они сверхъ того питались только черными сухарями и неизмѣнной бараниной. Съ свойственною ему точностью описываетъ Димитрій Васильевичъ родителямъ кибитку и ея оригинальное устройство. Изъ его же писемъ узнаемъ, что онъ душею стоялъ за Киргизовъ, народъ преданный Россіи, который дѣйствительно былъ бы несправедливо обиженъ, если бы необходимыя для кочевья его 60,000 десятинъ были у него отняты и прирѣзаны къ малонаселенному, не нуждавшемуся въ землѣ Новоузенскому уѣзду. Дѣло о Киргизскихъ участкахъ рѣшилось въ томъ смыслѣ, въ какомъ Димитрій Васильевичъ за него ратовалъ. Въ награду за командировку онъ получилъ орденъ Св. Владиміра четвертой степени, награду, которой онъ самъ придавалъ особое значеніе, какъ это видно изъ современныхъ его писемъ.

Жизнь въ Петербургѣ, по возвращеніи изъ Киргизской орды, пошла своимъ чередомъ въ служебныхъ занятіяхъ по департаменту и въ скромныхъ забавахъ въ родственномъ кругу. Въ этотъ періодъ времени, отъ 1838 до 1843, до женидьбы, Димитрій Васильевичъ жилъ отчасти въ кругу художниковъ и литераторовъ. Искреннее поклоненіе живописи, музыкѣ и поэзіи создавало въ избранныхъ кружкахъ того времени атмосферу изящнаго, въ которой люди находили полное удовлетвореніе своимъ вкусамъ и веселились отъ души. Они вдохновлялись искуствомъ, вдохновлялись неизысканнымъ простодушнымъ весельемъ и не черствѣли

въ суетѣ матеріальныхъ заботъ и въ скукѣ свѣтскихъ обязательныхъ отношеній. Однимъ изъ такихъ домовъ, гдѣ собирались во имя искуства и домашняго задушевнаго веселья былъ домъ гр. Ѳ. П. Толстаго, вице-президента Академіи художествъ, гдѣ Димитрій Васильевичъ былъ однимъ изъ гостей, наиболѣе оживлявшихъ эти и донынѣ памятные многимъ вечера. Пятницы у А. В. Никитенка[1]) были также хорошимъ явленіемъ своего времени. Старцами вспоминали о нихъ тогдашніе гости Александра Васильевича.

Лучшій другъ Димитрія Васильевича Ѳ. В. Чижовъ[2]) писалъ ему по поводу нынѣшняго юнаго поколѣнія, въ 1873 году, слѣдующее: «Припомни начало пятницъ у Никитенка: тоже всё было юное поколѣніе, всё ломающее, но не лихо, правда въ меньшемъ объемѣ ломки». Онъ же въ томъ же году къ нему же: «Третьяго дня я получилъ письмо изъ Дублина отъ Печерина[3]), въ которомъ къ тебѣ относятся слѣдующія строки: «жаль, что ты не писалъ мнѣ прежде, что остановишься у Полѣнова; я бы просилъ тебя отдать ему отъ меня низкій поклонъ; я очень хорошо его помню, какъ самого любезнаго и солиднаго собесѣдника въ кругу Никитенка».

Въ эти самые годы дядя Димитрія Васильевича по мачихѣ К. М. Бороздинъ лишился жены своей. Димитрій Васильевичъ, всегда близкій къ Бороздину по духу и по общей имъ обоимъ

[1]) Въ послѣдствіи профессоръ Русской словесности въ С.-Петербургскомъ Университетѣ и ординарный Академикъ.

[2]) Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ, бывшій не долгое время адъюнктомъ математики въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, провелъ долгіе годы за границей, гдѣ изучалъ исторію искуства, позднѣе же политическую экономію. Остальную часть жизни провелъ въ Москвѣ, гдѣ былъ извѣстенъ какъ другъ и единомысленный съ старѣйшими Московскими т. н. славянофилами, какъ издатель сочиненій Гоголя, редакторъ Вѣстника промышленности, учредитель и директоръ созданныхъ въ Москвѣ желѣзно-дорожныхъ компаній и кредитныхъ учрежденій.

[3]) О Печеринѣ сохранились воспоминанія знавшихъ его людей, какъ о человѣкѣ, выходящемъ изъ ряду по силѣ ума и количеству глубокихъ познаній. Кандидатъ-филологъ С.-Петербургскаго университета, онъ еще въ молодыхъ годахъ удалился за границу, перешелъ въ католичество и нынѣ находится въ Ирландіи, въ санѣ епископа.

любви къ наукѣ Русской исторіи еще болѣе сблизился съ нимъ, дѣля его горе и навѣщая его во время продолжительной болѣзни. Жена Константина Матвѣевича, Прасковья Николаевна, урожденная Львова, оставила ему двухъ дочерей — взрослую и малютку, ближайшее попеченіе о которыхъ выпало на долю Вѣры Николаевны Воейковой, родной сестры покойной, вдовы одного изъ храбрыхъ генераловъ 1812 года. Посѣщая К. М. Бороздина, Димитрій Васильевичъ ежедневно встрѣчался съ г-жею Воейковою и ея дочерью. Всё въ послѣдней соотвѣтствовало вкусамъ Полѣнова и между прочимъ онъ оцѣнилъ въ ней ея художническое направленіе и талантъ къ живописи. Но не скоро взаимная склонность и сближеніе въ гостиной общаго дяди привели къ желанному результату: г-жа Воейкова уѣхала тогда съ дочерью въ свое степное имѣніе. Въ теченіи двухъ лѣтъ Димитрій Васильевичъ хранилъ въ себѣ чувство, и испытанная временемъ любовь, наконецъ увѣнчалась успѣхомъ. Весною 1843 года Д. В. женился на Марьѣ Алексѣевнѣ Воейковой [1]. — Димитрій Васильевичъ особенно дорожилъ талантомъ жены своей и хотѣлъ подвинуть ее въ искуствѣ; съ нею вмѣстѣ изучалъ онъ Эрмитажъ и Академію и радовался ея успѣхамъ въ занятіяхъ съ лучшими художниками учителями.

Прежде чѣмъ перейдти къ ученымъ трудамъ Димитрія Васильевича, остановлюсь еще на одномъ семейномъ обстоятельствѣ, не лишенномъ значенія въ жизни ученаго. Жена К. М. Бороздина и теща Димитрія Васильевича были, какъ мы уже сказали выше, родныя сестры, дочери Николая Александровича Львова и по матери родныя племянницы Дарьи Алексѣ-

---

[1]) Отецъ жены Димитрія Васильевича умеръ въ 1825 году. Онъ былъ однимъ изъ немногихъ флигель-адъютантовъ Александра I-го и состоялъ при Военномъ Министерствѣ управляющимъ канцеляріею. Государь перемѣнился къ нему мгновенно въ дни опалы Сперанскаго, съ которымъ Воейковъ былъ очень близокъ. Начавшаяся отечественная война помѣшала Воейкову выдти въ отставку. Онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, командовалъ бригадою подъ начальствомъ Раевскаго, былъ героемъ дѣла подъ Красными и прославился защитою Шевардинскаго редута на Бородинскомъ полѣ. Послѣ войны удалился въ свое имѣніе Тамбовской губерніи.

евны Державиной. Дѣвицы Львовы, оставшись сиротами въ раннемъ возрастѣ, были воспитаны въ домѣ знаменитаго поэта. К. М. Бороздинъ былъ душеприкащикомъ Дарьи Алексѣевны Державиной и по смерти ея получилъ на свою долю всѣ бумаги Гавріила Романовича. Въ 1848 году, К. М. Бороздинъ скончался, сдѣлавъ въ свою очередь душеприкащикомъ своимъ и опекуномъ младшей дочери (нынѣ г-жи Корсаковой) Димитрія Васильевича, который такимъ образомъ сталъ хранителемъ и бумагъ Державина, и книгъ К. М. Бороздина. Димитрій Васильевичъ сдѣлалъ каталогъ библіотеки своего дяди и сохранилъ эту самую библіотеку въ неприкосновенности и томъ порядкѣ, въ какомъ она поступила въ Московскій Публичный Музей, какъ пожертвованіе г-жи Корсаковой. Бумаги же Державина уцѣлѣли единственно благодаря тому, что попали подъ заботливую охрану Димитрія Васильевича, которому и довелось своевременно сообщить ихъ ученому издателю сочиненій Державина, академику Я. К. Гроту. Вмѣстѣ съ тѣмъ Димитрій Васильевичъ былъ посредникомъ въ передачѣ Я. К. Гроту живыхъ, устныхъ преданій о Державинѣ и нѣкоторыхъ рукописныхъ матеріаловъ и отъ другихъ родственниковъ Дарьи Алексѣевны Державиной.

Любимымъ занятіемъ Димитрія Васильевича въ началѣ сороковыхъ годовъ была библіографія.

«Присланные вами — пишетъ онъ въ 1842 году, мая 1-го къ г. Калайдовичу (Николаю Константиновичу) въ Москву — старинныя книги и каталоги чрезвычайно пригодны для моего библіографическаго труда. Если вамъ не будетъ затруднительно, то я попросилъ бы васъ достать мнѣ еще каталогъ книгамъ библіотеки Общества исторіи и древностей, напечатанный въ 1827 году. Библіотека ихъ, какъ мнѣ извѣстно, богата первопечатными книгами гражданскаго шрифта, и теперь мнѣ именно нужно полное объ нихъ свѣдѣніе». Въ этомъ же письмѣ Димитрій Васильевичъ пишетъ о Москвитянинѣ: «Всѣ критическія статьи Шевырева превосходны своею дѣльностью въ содержаніи и прекраснымъ изложеніемъ. Вообще этотъ журналъ, кромѣ разумѣется нѣко-

торыхъ партій, здѣсь очень уважается. Не знаю случилось ли вамъ, или самимъ издателямъ, читать небольшую выходку противъ Шевырева отъ Чижова, въ одномъ изъ его писемъ изъ за-границы. Посылаю вамъ это письмо, напечатанное въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Не смотря на тѣсную связь съ Чижовымъ, я рѣшительно не согласенъ съ его мнѣніемъ. Письмо это въ рукописи было въ моихъ рукахъ и я просилъ редактора Вѣдомостей не печатать того мѣста, гдѣ говорится о Москвитянинѣ. Но Очкинъ, добрый и почтенный, также увлеченный язвою западообожанія не исполнилъ моей просьбы. Я переписался послѣ этого съ Чижовымъ, и онъ совершенно раздѣлилъ мои мысли, какъ по отношенію къ Москвитянину, такъ и лично къ Шевыреву».

Любовь къ Русскому историческому прошедшему была въ глубинѣ души Димитрія Васильевича. За эту любовь говорятъ выше приведенныя нами выдержки изъ его писемъ, помѣтки на поляхъ читанныхъ имъ съ особымъ вниманіемъ памятниковъ и изслѣдованій и наконецъ его труды и самая библіотека, унаслѣдованная отъ отца и дѣда и обогащенная имъ преимущественно по отдѣлу источниковъ Русской исторіи.

Изъ занятій библіографіею вскорѣ выдѣлился излюбленный отдѣлъ лѣтописей, и Димитрій Васильевичъ принялся за ихъ изученіе. Обширная задача была передъ нимъ и онъ однакоже приступилъ къ ней съ свойственною ему выдержанностью и постоянствомъ. Полюбивъ Русскую исторію, онъ съ такимъ-же вниманіемъ отнесся къ ея источникамъ, съ какимъ когда-то принялся изучать памятники древней Греціи, но только съ несравненно большею подготовкою и въ согласіи съ тѣмъ влеченіемъ къ Русской старинѣ, какое мы замѣтили въ письмахъ его изъ Москвы къ родителямъ, въ пору перваго посѣщенія имъ древней столицы.

Матеріалъ науки занялъ его главнымъ образомъ, и онъ рѣшился составить полный по возможности каталогъ книгъ, изданныхъ на Русскомъ языкѣ по части Русской исторіи. Онъ хотѣлъ при этомъ, чтобы въ его каталогѣ изъ нѣсколькихъ страницъ,

иногда изъ нѣсколькихъ строкъ, можно было получить полное понятіе о содержаніи книги. Подробное разсмотрѣніе книгъ, относящихся къ Русской исторіи должно было, по мысли Димитрія Васильевича, состоять изъ двухъ главныхъ частей; 1) источниковъ и 2) собственно исторіи. Источники имъ были подраздѣлены на пять отдѣловъ: 1) лѣтописи, 2) сказанія и записки современныя, 3) акты и сборники, 4) изслѣдованія и критика источниковъ и 5) вспомогательныя знанія. Части перваго отдѣла пришлось увидѣть свѣтъ; второй — остался въ рукописи, до остальныхъ-же онъ и не успѣлъ дойти.

Въ 1850 году, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія появился первый печатный трудъ Д. В. Полѣнова: *Библіографическое обозрѣніе Русскихъ лѣтописей.*

Обзоръ начинается Никоновскою лѣтописью, первая часть которой была издана Шлёцеромъ. За нею слѣдуетъ Кёнигсберская или т. н. по преимуществу лѣтопись Несторова, а тамъ Царственная книга, Царственный лѣтописецъ, Степенная книга, Новгородскій лѣтописецъ и т. д. по хронологическому порядку появленія въ печати того или другаго изданія. Лаврентьевская лѣтопись Тимковскаго, Супрасльская рукопись и Псковская лѣтопись Погодинская заключаютъ рядъ описанныхъ отдѣльныхъ изданій, за которыми наконецъ слѣдуетъ обозрѣніе Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей — изданныхъ Археографическою Коммиссіею, до IV-го его тома включительно. Обозрѣніе остальныхъ томовъ, по мѣрѣ ихъ выхода, Димитрій Васильевичъ не продолжалъ дѣлать, но за то издалъ обозрѣніе лѣтописца Переяславскаго и исторію изданія Святѣйшимъ Синодомъ лѣтописей. — Библіографическое Обозрѣніе Русскихъ лѣтописей доставило Димитрію Васильевичу почетное имя въ средѣ тружениковъ науки Русской. Трудъ этотъ остался единственнымъ въ своемъ родѣ и донынѣ служитъ справочною книгою для каждаго, занимающагося древнимъ періодомъ нашей исторіи. — Методъ Димитрія Васильевича въ этомъ обозрѣніи былъ слѣдующій: онъ описывалъ содержаніе извѣстной лѣтописи, или скорѣе извѣстнаго свода, по осязательнымъ состав-

нымъ его частямъ, по большей части озаглавленнымъ и въ рукописи, но не всегда въ обозрѣваемомъ изданіи. Иногда, впрочемъ весьма рѣдко, отмѣчалъ и другія менѣе осязательныя составныя части лѣтописнаго свода, какъ на примѣръ, разсказъ Василія объ ослѣпленіи Василька. Онъ указывалъ пропущенныя статьи сравнительно съ другимъ сводомъ, а равно и сокращенныя, если ему была извѣстна ихъ болѣе пространная редакція. Въ тонкій анализъ состава лѣтописей онъ не вдавался, да это и не входило въ его задачу. Онъ знакомилъ съ планомъ извѣстнаго изданія, непремѣнно объяснялъ то названіе, которое усвоено было за лѣтописью, дѣлалъ замѣчанія, по поводу хронологическихъ неточностей и представлялъ данныя для опредѣленія времени состава памятника. Такъ на примѣръ, разбирая Типографской лѣтописецъ, или т. н. Продолженіе Несторовой лѣтописи, авторъ доходитъ до извѣстія о царяхъ и князьяхъ, положенныхъ въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ и замѣчаетъ: «въ этомъ извѣстіи послѣдній упоминается царевичь Петръ, зять в. к. Іоанна III Васильевича» (стр. 63). Если рукопись, съ которой сдѣлано изданіе, не точно обозначена, то изслѣдователь отыскиваетъ свѣдѣнія объ этой рукописи. Такъ, по поводу рукописи Русскаго времянника (Моск. Синод. Типогр. 1790) Димитрій Васильевичъ говоритъ: «Карамзинъ называлъ эту лѣтопись Костромскою безъ сомнѣнія потому, что времянникъ этотъ переписанъ, а можетъ быть и составленъ въ Костромскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, какъ то видно изъ приписокъ въ концѣ времянника. По слогу его, совершенно подновленному, должно полагать, что онъ писанъ въ новѣйшее время т. е. не ранѣе XVII столѣтія и что составитель наиболѣе держался котораго нибудь изъ Софійскихъ времянниковъ, съ которыми во многихъ мѣстахъ онъ имѣетъ сходство». Такія замѣчанія при обзорѣ состава и содержанія изданныхъ лѣтописей составляютъ основную библіографическую работу. Изслѣдователь видимаго состава лѣтописей приводитъ ученыя мнѣнія объ отдѣльныхъ сказаніяхъ. Если же сказаніе или отдѣльная статья, вошедшая въ лѣтопись была издана отдѣльно, то это

непремѣнно отмѣчено библіографомъ съ точностью. При описаніи ученыхъ изданій позднѣйшихъ библіографъ нашъ даетъ вѣрный отчетъ о взглядахъ издателей на изданіе, высказанныхъ ими самими. Этотъ итогъ ученыхъ взглядовъ и пріемовъ издателей лѣтописей даетъ матеріалъ для оцѣнки и служитъ облегченіемъ для того, кто бы захотѣлъ критически изслѣдовать то или другое изданіе[1]).

Но въ напечатанный трудъ Димитрія Васильевича о лѣтописяхъ не вошли многія, вѣроятно позднѣйшія, его наблюденія надъ составомъ лѣтописей. Мы ихъ находимъ на поляхъ принадлежавшихъ ему экземпляровъ. Тамъ встрѣчаемъ мы построчное сравненіе двухъ изданныхъ въ разныя времена, весьма близкихъ по происхожденію, лѣтописныхъ сводовъ. Такъ напримѣръ, въ экземплярѣ «Лѣтописца Новгородскаго (Москва 1819 г.) мы встрѣчаемъ полную свѣрку его съ Софійскимъ временникомъ, съ помѣткою всѣхъ тѣхъ мѣстъ, которыя въ послѣднемъ не встрѣчаются. Въ экземплярѣ Русской лѣтописи патріарха Никона (1793) отмѣчены свидѣтельства о событіяхъ Кіевской Руси XII в., не попадающіяся въ Лаврентьевскомъ и Ипатьевскомъ спискахъ.

Въ «Русскомъ времянникѣ, сирѣчь лѣтописцѣ» (1820) отмѣчены всѣ мѣста, не вошедшія въ Новгородскую лѣтопись, изданную Археографическою Коммиссіею, равно какъ и не находящіяся въ Софійской, изданной Строевымъ (1821), лѣтописи. Въ экземплярѣ «Сибирской лѣтописи» встрѣчаемъ отмѣченными мѣста, выпущенныя Карамзинымъ, въ приводимыхъ имъ выдержкахъ. Въ «Новомъ лѣтописцѣ» князя Оболенскаго видимъ на поляхъ варіанты и отмѣтки всѣхъ мѣстъ, пропущенныхъ въ Никоновской лѣтописи, или не оказавшихся въ Лѣтописи о мятежахъ.

---

[1]) Въ самомъ концѣ этого обзора авторъ приводитъ параллельныя мѣста одной и той же лѣтописи: Псковской, изданной сперва Погодинымъ, а потомъ Археографическою Коммиссіею; онъ указываетъ, что незначительное различіе въ текстѣ произошло отъ того, что Археографическая Коммиссія не воспользовалась Синодальнымъ спискомъ. Оттуда въ изданіяхъ несходство буквъ и не согласная разстановка знаковъ препинанія.

Сверхъ того въ экземплярахъ изданій перваго періода (д Археогр. Коммиссіи) видимъ хронологическія поправки, въ которыхъ Димитрій Васильевичъ сошелся съ редакторами Археографической Коммиссіи. Вскорѣ послѣ изданія «Библіографическаго обозрѣнія русскихъ лѣтописей» (въ 1851 г.) князь М. А. Оболенской издалъ часть рукописи Московскаго главнаго Архива министерства Иностранныхъ дѣлъ подъ заглавіемъ: «Лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго, составленный въ началѣ XIII вѣка».

Димитрій Васильевичъ тотчасъ принялся за обозрѣніе этого новаго изданія лѣтописи и въ 1854 году напечаталъ его въ Ученыхъ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ. Подвергнувъ предисловіе издателя и его выводы о времени составленія Переславскаго лѣтописца критикѣ, Димитрій Васильевичъ главнымъ образомъ усумнился въ совершенной самостоятельности этого свода. Самостоятельность его, по мнѣнію Полѣнова, начинается только съ 1206 года. «До сего же времени въ общемъ содержаніи Переяславскій лѣтописецъ сходенъ, или точнѣе, однороденъ, съ Лаврентьевскою лѣтописью, а еще болѣе съ Радзивиловскою (Кёнигсберскою) и Троицкою». Отличія Переяславскаго лѣтописца отъ Лаврентьевской лѣтописи легли въ основаніе тщательнаго изслѣдованія нашего археографа.

Чтенію нѣкоторыхъ мѣстъ въ Переяславскомъ лѣтописцѣ Димитрій Васильевичъ даетъ предпочтеніе передъ чтеніемъ Лаврентьевскаго свода, при чемъ основывается на согласіи перваго съ Радзивиловскимъ и Троицкимъ спискомъ. «*Обозрѣніе*» оканчивается замѣчаніями объ отличіи языка *лѣтописца Переяславскаго* отъ языка Лаврентьевской лѣтописи.

Ровно черезъ десять лѣтъ, въ 1864 году, въ IV вып. Ученыхъ Записокъ Академіи Наукъ появился новый трудъ Полѣнова: *О лѣтописяхъ изданныхъ отъ Св. Синода.* На этотъ разъ онъ избралъ своею задачею собрать по подлиннымъ бумагамъ всѣ свѣдѣнія о дѣлѣ изданія лѣтописей Святѣйшимъ Синодомъ. Въ этихъ бумагахъ находились реестры древнихъ рукописей, хранившихся въ Московскихъ библіотекахъ Синодальной и Типографской.

Реестры эти были представлены оберъ-прокуроромъ Акчуринымъ Императрицѣ Екатеринѣ въ 1778 г. Согласно мудрой резолюціи Екатерины о «снятіи точныхъ копій съ рукописей и о печатаніи оныхъ такимъ образомъ, чтобы самыя нужныя изъ нихъ были напечатаны прежде, а потомъ были бы изданы и прочія къ общей пользѣ и споспѣшествованію Россійской исторіи», донесенія о ходѣ этихъ первыхъ археографическихъ опытовъ стеклись въ Синодъ. Въ матеріалѣ, изданномъ Димитріемъ Васильевичемъ, мы видимъ передъ собою эти любопытные и важные для археографіи реестры, читаемъ резолюціи митрополита Платона о сомнѣніяхъ, возникшихъ по поводу изданія Типографскаго лѣтописца, наконецъ имѣемъ свѣдѣнія о лѣтописныхъ книгахъ и нѣкоторыхъ другихъ библіотекъ.

Въ послѣдней главѣ (3-ей) читаемъ распоряженіе Императрицы 1791 года, въ бытность оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, о собраніи справокъ ото всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ и настоятелей состоящихъ въ непосредственномъ Святѣйшаго Синода вѣдомствѣ лавръ и монастырей — не окажется ли гдѣ относящихся къ Россійской исторіи лѣтописей и другихъ сочиненій, кромѣ изданныхъ уже въ печать. Реестры рукописей съ поименованій самыхъ монастырей и соборныхъ церквей, гдѣ онѣ хранились, и отмѣтки о томъ, какія изъ этихъ рукописей потребованы были Синодомъ, а иногда самой Императрицей — и какія возвращены обратно, составляютъ содержаніе послѣднихъ страницъ такъ удачно извлеченнаго Димитріемъ Васильевичемъ изъ Синодальнаго архива матеріала.

Долго любителю древней Русской исторической письменности, сдѣлавшемуся въ своемъ ученомъ одиночествѣ знатокомъ Русской археографіи, не приходилось вступать ни въ какое ученое общество, ни въ какую ученую корпорацію. Въ 1849 году Димитрій Васильевичъ былъ избранъ Дѣйствительнымъ членомъ Географическаго общества, дѣятельность котораго впрочемъ не близка была къ его излюбленнымъ занятіямъ.

Въ 1851 году И. П. Сахаровъ, издавна знавшій Димитрія Васильевича по дому К. М. Бороздина, ввелъ его въ Археологическое Общество, которое и избрало его въ концѣ того-же года въ члены (10 Декабря). Въ 1852 году онъ былъ избранъ секретаремъ общества для иностранной переписки на мѣсто сложившаго съ себя это званіе А. Ѳ. Бычкова.

Въ 1854 году секретарь общества А. Н. Поповъ просилъ увольненія отъ обязанности секретаря, и тогда должность эта была раздѣлена между имъ и Димитріемъ Васильевичемъ такимъ образомъ, что первый остался редакторомъ трудовъ, второй же взялъ на себя занятія по канцеляріи Общества. Въ это же время Димитрій Васильевичъ былъ избранъ секретаремъ Русскаго отдѣленія. За тѣмъ мы видимъ его, вмѣстѣ съ гр. А. С. Уваровымъ и гр. Д. Н. Толстымъ, членомъ комитета для разсмотрѣнія представленнаго о. архимандритомъ Макаріемъ сочиненія «О Нижегородскихъ и Пермскихъ древностяхъ» и предложеннаго этимъ авторомъ плана для изданія сочиненія. Редакторомъ этого изданія былъ избранъ Димитрій Васильевичъ. Трудъ былъ немалый: Димитрій Васильевичъ переработалъ вмѣстѣ съ авторомъ все сочиненіе по новому плану, провѣрилъ въ немъ каждую ссылку, исправилъ всѣ неточности и пополнилъ указанія. Трудъ Макарія былъ изданъ въ 1855 году съ предисловіемъ редактора, который имѣлъ теперь полную возможность сказать, что сочиненіе о. Макарія служитъ началомъ археологическаго описанія Русскихъ церквей и монастырей, изданіе котораго вознамѣрилось предпринять Археологическое Общество. Къ сочиненію приложены указатели лицъ, мѣстъ и предметовъ, составленіемъ которыхъ Димитрій Васильевичъ былъ особенно озабоченъ.—

По возвращеніи изъ Греціи Димитрій Васильевичъ послѣдовательно былъ столоначальникомъ, и начальникомъ отдѣленія по департаменту Внутреннихъ сношеній и наконецъ чиновникомъ особыхъ порученій при государственномъ канцлерѣ.

Въ 1854 году Димитрій Васильевичъ перешелъ изъ вѣдомства Иностранныхъ дѣлъ на службу въ Духовное вѣдомство

православнаго исповѣданія. Служба эта сблизила его съ многими лицами изъ духовенства; нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ старался привлечь къ Археологическому Обществу, самъ же заслужилъ отъ нихъ уваженіе и симпатію. У него установились дружескія отношенія съ преосв. Григоріемъ Казанскимъ, присутствовавшимъ въ Синодѣ, въ послѣдствіи митрополитомъ Петербургскимъ. Равнымъ образомъ сошелся онъ съ знаменитымъ ученымъ преосв. Макаріемъ, нынѣ архіепископомъ Литовскимъ, съ архимандритомъ, нынѣ епископомъ, Порфиріемъ Успенскимъ и со многими другими [1]). Въ непосредственномъ отношеніи къ этимъ связямъ съ учеными духовными лицами находится статья Димитрія Васильевича: *«О православномъ духовномъ вѣдомствѣ въ Россіи»*, напечатанная въ газетѣ; «День» (№ 35) въ 1864 г., но составленная имъ еще въ 1859 году. Никто не сказалъ бы, что статья была написана чиновникомъ Синодальнаго вѣдомства: въ ней нужды духовенства выставлены во всей наготѣ; цыфрами доказываетъ авторъ несомнѣнный фактъ, что церковь доставила правительству обильныя средства изъ собственнаго достоянія — и ни одно вѣдомство въ государствѣ не обходится правительству столь дешево и не находится въ столь стѣсненномъ положеніи, какъ духовное вѣдомство. Горячо говоритъ авторъ о нищетѣ неотвязно сопрово-

---

[1]) Кстати упомянуть здѣсь о душевной, искренней связи его съ Иннокентіемъ, нынѣ митрополитомъ Московскимъ, съ которымъ онъ сблизился въ 1858 году, когда преосвященный этотъ проживалъ въ Петербургѣ еще въ санѣ архіепископа Камчатскаго. Къ преосвященному Іоанникію (въ послѣдствіи Варшавскому и подъ конецъ жизни архіепископу Херсонскому) Димитрій Васильевичъ питалъ чувства теплаго уваженія, и въ связи съ знакомствомъ его съ этимъ преосвященнымъ была у Димитрія Васильевича благоговѣйная дружба съ однимъ высокимъ по духу вѣры и силѣ ума духовнымъ лицомъ, архимандритомъ Ѳеофаномъ. Архимандритъ Ѳеофанъ, въ мірѣ Петръ Семеновичъ Авсеневъ, профессоръ философскихъ наукъ Кіевской Духовной Академіи, въ 1844 г. принялъ монашество и въ санѣ архимандрита былъ Инспекторомъ той академіи. Въ 1850 г. былъ уволенъ отъ академической службы и опредѣленъ настоятелемъ при посольской церкви въ Римѣ, гдѣ и скончался въ 1852 г. Благочестіе при жизни и самая кончина о. Ѳеофана произвели впечатлѣніе и на иновѣрцевъ: толпы народа не отходили отъ гроба Русскаго архимандрита, почитая его за святаго.

ждающей сельскаго служителя алтаря Господня во все теченіе его жизни и о горькихъ послѣдствіяхъ такого положенія лицъ, обязанныхъ стоять на пастырской высотѣ и имѣть образованіе, истекающее изъ самыхъ потребностей жизни, основанное на духѣ Христовой вѣры.

Но обратимся снова къ Археологическому Обществу, которое, въ 1852 году, избрало Димитрія Васильевича въ секретари. Ниже мы увидимъ, какъ дѣятельность эта была оцѣнена Обществомъ. Основываясь на этихъ отзывахъ и разсмотрѣвъ черновыя бумаги, писанныя его рукою, мы смѣло можемъ сказать, что онъ всецѣло отдалъ себя Обществу. «Не могу не вспомнить и самъ отъ себя — говорилъ о немъ въ прощальной рѣчи, при оставленіи имъ секретарства, И. И. Срезневскій — о добромъ участіи Димитрія Васильевича въ корректурахъ, которыя лежали собственно на мнѣ и въ подготовленіи матеріаловъ, нужныхъ для моихъ трудовъ». — Къ корректурной работѣ Димитрій Васильевичъ имѣлъ нѣкоторую страсть. Всякая прочтенная имъ со вниманіемъ книга подвергалась въ большей или меньшей степени новой корректурѣ, съ которой тѣсно связано было и исправленіе имъ ошибокъ, неточностей и невѣрныхъ указаній. Въ коммиссіи о пересмотрѣ устава и въ разныхъ другихъ коммиссіяхъ по Археологическому Обществу видимъ мы имя Полѣнова, какъ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ. Въ 1859 году одинъ изъ первыхъ онъ разсмотрѣлъ собраніе снимковъ съ иконъ и другихъ древностей св. горы Аѳонской П. И. Севастьянова и велѣлъ затѣмъ сдѣлать ученое описаніе этихъ снимковъ. Въ томъ же году онъ въ засѣданіи Общества прочелъ рѣчь о заслугахъ скончавшагося дѣятеля П. С. Савельева. Съ Савельевымъ Димитрій Васильевичъ былъ близокъ и по кончинѣ его усердно старался объ изданіи біографіи и портрета этого незабвеннаго ученаго дѣятеля, которой никто другой не могъ сдѣлать лучше, какъ стоявшій къ нему близко Полѣновъ. Съ И. И. Срезневскимъ Димитрія Васильевича сблизило кромѣ занятій по Обществу и то, что у нихъ обоихъ были дѣти одного возраста. Оба отца въ од-

наковой степени заботились о воспитаніи и готовили сыновей къ университету дома. Интересы подростающаго подъ роднымъ кровомъ поколѣнія сближали отцовъ все болѣе и болѣе, чему въ добавокъ помогало и то, что оба семейства жили въ близкомъ сосѣдствѣ. Дружески и съ чувствомъ глубокаго уваженія къ познаніямъ Срезневскаго Димитрій Васильевичъ относился къ трудамъ нашего извѣстнаго ученаго и съ особенною охотою, какъ секретарь Общества радѣлъ о всемъ, что относилось до трудовъ Срезневскаго въ Обществѣ. Послѣдній часто съ лекціи, среди трудовъ, заходилъ отдохнуть въ кабинетѣ Димитрія Васильевича, и часто проводили они вечеромъ и днемъ по нѣскольку часовъ, толкуя о дѣлахъ Общества и объ интересахъ Русской науки. И. И. Срезневскій говорилъ пишущему эти строки, что нарочно бралъ иногда принадлежащій Димитрію Васильевичу экземпляръ какого либо памятника, имѣя свой собственный, для того, чтобы принять въ соображеніе помѣтки, дѣлаемыя послѣднимъ на поляхъ принадлежащихъ ему книгъ.

Первые два выпуска Извѣстій Археологическаго Общества вышли надъ редакціей Д. В. Полѣнова и И. И. Срезневскаго. Во второмъ выпускѣ этого изданія помѣщена была статья Димитрія Васильевича: «О рунических надписяхъ на Пирейскомъ львѣ съ рисунками. Статья эта возбудила въ Обществѣ ученыя пренія[1]).

Еще слѣдуетъ упомянуть о двухъ критическихъ статьяхъ Димитрія Васильевича на два сочиненія о. Іосифа: «Церковно-историческое описаніе Владимірскихъ достопамятностей и Церковно-историческое описаніе Суздальскихъ достопамятностей». Этотъ строгій разборъ съ указаніемъ неточностей, ошибокъ и не научныхъ пріемовъ служитъ мѣриломъ тѣхъ требованій, какія предъявлялъ Полѣновъ при оцѣнкѣ описаній церковныхъ древностей.

---

[1]) Членъ Г. С. Дестунисъ предложилъ вопросъ: подтверждаетъ ли Византійская исторія содержаніе Пирейской рунической надписи на который самъ же и отвѣтилъ статьею, помѣщенною во 2-мъ выпускѣ I тома Извѣстій.

3*

Проникнутый любовью къ родинѣ и ея историческому прошедшему, Димитрій Васильевичъ хотѣлъ передать эту любовь и дѣтямъ своимъ. Такъ въ 1860-мъ году, лѣтомъ, онъ предпринялъ археологическую поѣздку съ двумя юными сыновьями своими на лошадяхъ, помимо желѣзной дороги, въ губерніи: Новгородскую, Тверскую и въ Москву. Потомъ онъ посѣтилъ Переяславль, Ростовъ, Ярославль, Суздаль, Владиміръ и Кострому, и черезъ Меленки и Шацкъ отправился въ Тамбовскую губернію. Во время этой поѣздки Димитрій Васильевичъ обращалъ свое и дѣтей своихъ вниманіе преимущественно на древности, при чемъ старшій сынъ его, уже владѣвшій карандашемъ, рисовалъ все, что казалось отцу имѣющимъ значеніе для археологіи. Въ связи съ этой поѣздкой Димитрія Васильевича было стараніе его о сохраненіи Богоявленскаго собора въ Костромѣ, предназначеннаго къ сломкѣ и уцѣлѣвшаго благодаря ходатайству Димитрія Васильевича [1]).

Въ 1861 году Димитрій Васильевичъ разстался на время съ Петербургомъ: его присутствіе нужно было въ Петрозаводскѣ, гдѣ тогда, какъ и вездѣ, устроивался бытъ крестьянъ. Въ Олонецкой губерніи какъ извѣстно, нѣтъ дворянскихъ выборовъ, и крѣпостные крестьяне были только въ двухъ уѣздахъ. Владѣя сравнительно со всѣми другими, по большой части мелкопомѣстными, несравненно бóльшимъ количествомъ земли, Димитрій Васильевичъ долженъ былъ принять дѣятельное участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

На соединенныхъ засѣданіяхъ Русскаго и Восточнаго отдѣленій Археологическаго общества, 16-го Февраля 1861 года, предсѣдательствующій И. И. Срезневскій, объявивъ объ отъѣздѣ Димитрія Васильевича и о сложенія имъ съ себя званія секретаря, характеризовалъ дѣятельность и значеніе его между прочимъ слѣдующими словами:

---

[1]) Соборъ этотъ построенъ въ половинѣ XVI столѣтія по образцу Московскаго Успенскаго собора и былъ главною церковью Богоявленскаго мужскаго монастыря, нынѣ упраздненнаго.

«Мы не могли не полюбить его душею за его душевную, безкорыстную привязанность къ Обществу. Эта привязанность его выражалась во всѣхъ его сношеніяхъ съ нами и сочувствіемъ къ вопросамъ и трудамъ насъ занимающимъ, и всегдашнею готовностію — дѣлиться запасами своихъ свѣдѣній для труда кѣмъ нибудь изъ насъ предпринимаемаго, хлопотать и трудиться по каждому изъ трудовъ, затѣянныхъ въ Обществѣ, не рѣдко отвлекая себя отъ дѣлъ лично ему болѣе близкихъ. Трудъ его не рѣдко долженъ былъ оставаться неизвѣстнымъ, такъ что сдѣланное имъ могло быть отнесено не къ нему лично, а къ кому нибудь другому. Приготовленіе къ изданію и печатаніе многихъ сочиненій и матеріаловъ въ «Запискахъ» и «Извѣстіяхъ» Общества вводило его не только въ хлопоты переписки съ сочинителями, съ вѣдомствами, но и въ тяжелыя работы новой постановки труда, по видимому конченнаго, требовавшія самой мелочной внимательности, соображеній, справокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ много времени»...

Далѣе И. И. Срезневскій говорилъ о благородномъ характерѣ Димитрія Васильевича, какъ человѣка умѣющаго быть преданнымъ общему дѣлу. Къ нему непосредственно относилъ онъ и тотъ дружественный характеръ, который въ послѣднее время принялo Общество.

«Большее число сочленовъ, — продолжалъ онъ — избранныхъ въ Общество въ продолженіи шести лѣтъ секретарства Димитрія Васильевича, избраны по его указаніямъ; онъ умѣлъ замѣтить достоинство въ людяхъ и не забывать достойныхъ..»

«Не можемъ не выразить — заключилъ свое одушевленное слово Измаилъ Ивановичъ — ему нашей признательности за всё доброе и болѣе всего за нашъ нравственный союзъ, который имъ былъ поддерживаемъ и укрѣпляемъ такъ счастливо для всѣхъ насъ».

29-го Апрѣля 1861 года, въ общемъ собраніи, былъ прочитанъ признательный рескриптъ Е. И. В. Августѣйшаго Предсѣдателя Общества, Великаго Князя Константина Николаевича, на имя Димитрія Васильевича.

Въ первую зиму своего пребыванія въ Петрозаводскѣ Димитрій Васильевичъ совершилъ поѣздку въ раскольничій монастырь Даниловъ. Вотъ какъ онъ описываетъ это путешествіе И. И. Срезневскому: «Не удивляйтесь, что я отвѣчаю вамъ на дорогое письмо такъ поздно. Вотъ этому причина. Нашъ губернаторъ[1]) давно уже подзывалъ меня сдѣлать съ нимъ небольшое путешествіе, котораго крайними предѣлами были два раскольничьихъ монастыря: Даниловъ и Лекса, первый мужской, второй женскій. Монастыри эти принадлежатъ къ Выговскимъ, или Выгорѣцкимъ пустынямъ, начало которыхъ конца XVII вѣка. Я спрашивалъ— есть ли тамъ старыя книги? Мнѣ сказали, что, не смотря на всѣ расхищенія, въ обоихъ монастыряхъ еще осталось значительное количество и книгъ и рукописей. Имъ, какъ я послѣ узналъ, даже сдѣлана была опись. Но опись эта была сдѣлана не учеными людьми.... И такъ ради означенныхъ книгъ я рѣшился отправиться въ предположенный путь въ свитѣ губернатора, въ числѣ которой находился и Рыбниковъ, сильно убѣждавшій меня ѣхать и осматривать книги. Мы отправились отсюда 5-го Января на знаменитую въ здѣшнихъ краяхъ Шунгскую ярмарку, въ селеніи Шунгѣ, въ Шунгскомъ погостѣ, лежащемъ въ самой сѣверной оконечности одного изъ заливовъ Онежскаго озера».

«Съ ярмарки мы поѣхали въ Повѣнецъ и благополучно, хотя немножко подмороженные и одинъ разъ опрокинутые, добрались до Данилова[2]). На другой день мы съ Рыбниковымъ пошли осматривать часовню. Насъ ввели въ огромную залу, задняя стѣна которой отъ верху до низу уставлена иконами, изъ которыхъ нѣсколько колосальной величины и замѣчательнаго письма. На боковыхъ стѣнахъ протянуты полки, уставленныя тѣсно иконами меньшаго размѣра. Всѣ онѣ болѣе или менѣе сохранили свои драгоцѣнныя украшенія. Въ одномъ углу залы устроена право-

---

[1]) А. А. Философовъ.

[2]) Общимъ именемъ Данилова называются оба смежные монастыря: Лекса и Даниловъ. Димитрій Васильевичъ осматривалъ часовню въ Лексѣ, а не въ Даниловѣ.

славная церковь. Разсматривать все это въ подробности не было никакой возможности по причинѣ страшнаго холода. Мы торопились войти въ кладовую (темный чуланъ), гдѣ сохранялись книги. Быстро осматривая надписи на корешкахъ, мы брали книги съ полокъ и передавали ихъ стоящему внѣ чулана лицу. Богослужебныхъ книгъ мы не трогали, и обращали вниманіе на прологи, сборники, житія святыхъ и проч. Вынувъ такимъ образомъ до 16 книгъ, мы велѣли свезти ихъ къ намъ на квартиру, чтобы онѣ сколько нибудь отогрѣлись и были доступнѣе для осмотра. При этомъ осмотрѣ что же оказалось? харатейная, превосходно сохранившаяся рукопись XIII вѣка и какъ кажется начала его! Первое вниманіе я обратилъ на отъисканіе какихъ нибудь признаковъ подлога. Но при самомъ тщательномъ осмотрѣ я не только не открылъ ничего подобнаго, но чѣмъ болѣе разсматриваю рукопись, тѣмъ крѣпче утверждаюсь въ мысли объ ея подлинности. Она заключаетъ въ себѣ житіе св. Нифонта епископа Кипрскаго, жившаго въ IV вѣкѣ и уставъ Θеодора Студійскаго. Очертаніе буквъ совершенно сходно съ извѣстнымъ намъ кондакаремъ, котораго другой экземпляръ 1207 года я видѣлъ въ ризницѣ Московскаго Успенскаго Собора. Одна эта рукопись уже вознаграждаетъ путевые труды [1])».

Вскорѣ послѣ того Димитрій Васильевичъ занялся «Нифонтомъ» и вмѣсто краткаго описанія рукописи переслалъ Измаилу Ивановичу Срезневскому цѣлое обстоятельное ея разсмотрѣніе съ выдержками и фотографическими снимками. Статья эта подъ названіемъ: *«Житіе Святаго Нифонта Константиноградскаго»* напечатана была вскорѣ въ Извѣстіяхъ втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ (стр. 374—387 IV выпускъ X-го тома). «Я составляю — пишетъ Полѣновъ И. И. Срезневскому въ

---

[1]) Не большой отрывокъ этого письма помѣщенъ былъ въ Извѣстіяхъ Императорскаго Археологическаго Общества т. IV стр. 256. Самая рукопись уже въ 1878 году была передана Димитріемъ Васильевичемъ въ Московскій Публичный Музей, (см. Новыя приращенія Моск. Пуб. и Румянц. музеевъ № 42 и газеты «Голосъ» № 265 1878 года).

другомъ письмѣ — біографію моего дѣда, перваго, сколько извѣстно, писавшаго у насъ объ освобожденіи крестьянъ. Имѣя въ рукахъ написанное въ 1766 году и никогда не печатавшееся сочиненіе Алексѣя Яковлевича Полѣнова: «Объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія крестьянъ въ Россіи», Димитрій Васильевичъ кромѣ того владѣлъ перепискою дѣда своего и другими матеріалами о его посылкѣ за границу вмѣстѣ съ Лепехинымъ и о его тамъ пребываніи, равно какъ и о трудахъ и службѣ его при академіи въ годы силы и власти Ломоносова [1]).

Находя въ высшей степени современнымъ обнародовать проэктъ объ освобожденіи крестьянъ съ движимою и недвижимою собственностью, писанный почти за сто лѣтъ до той славной эпохи, которую переживала Россія въ шестидесятыхъ годахъ, Димитрій Васильевичъ счелъ необходимымъ и обрисовать на сколько возможно личность своего просвѣщеннаго дѣда. Біографіи этой онъ далъ названіе «*А. Я. Полѣновъ, Русскій законовѣдъ*».

Новыя же свѣдѣнія объ обстоятельствахъ посылки Русскихъ за границу въ эпоху Ломоносова — академика и о жизни и дѣятельности академіи прибавили новыя черты для исторіи этой эпохи. Сочиненіе «Объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія крестьянъ въ Россіи» и біографія автора этого сочиненія появились въ свѣтъ однако не ранѣе 1865 года, въ Русскомъ Архивѣ. Въ письмахъ къ И. И. Срезневскому, изъ Петрозаводска, Димитрій Васильевичъ особенно интересуется трудами дорогаго Археологическаго Общества. Часто вспоминаетъ о В. И. Ламанскомъ,

---

[1]) Сочиненіе Алексѣя Яковлевича Полѣнова было написано въ отвѣтъ на вопросъ, предложенный Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, которое положило вопросъ этотъ отдать на публичное рѣшеніе и обѣщало выдать за лучшее сочиненіе по сему предмету сто червонцевъ и золотую медаль. Деньги же на такую премію были доставлены отъ неизвѣстной особы. Премію получилъ не Полѣновъ, рѣшившій вопросъ въ пользу предоставленія крестьянамъ имущественной собственности, а Французъ Беарде Делабей, доказывавшій, что должно пріуготовить рабовъ къ вольности прежде нежели дана будетъ имъ какая-либо собственность.

. В. Стасовѣ и П. П. Пекарскомъ. Съ послѣдними двумя ногда переписывается. Онъ тронутъ отзывомъ о себѣ въ предисловіи къ I тому превосходнаго труда «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ»[1]).

«Ваше обозрѣніе древнихъ памятниковъ превосходно — пишетъ онъ И. И. Срезневскому отъ 13-го Октября 1862 года — хотя и не можетъ быть полно. Такъ какъ вы собираетесь издать къ нему дополненіе, то сообщаю вамъ нѣсколько свѣдѣній объ звѣстныхъ мнѣ памятникахъ. Можетъ вы найдете ихъ не лишними для дополненія. Въ числѣ памятниковъ XIII вѣка вы упоминаете о нѣсколькихъ кандакарахъ, между прочимъ и о кондарѣ Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря, бывшемъ у асъ въ рукахъ. Есть еще кондакарь, хранящійся въ ризницѣ Московскаго Успенскаго Собора. Мнѣ показывалъ его протопресвитеръ Новскій, въ Іюнѣ 1860 г. Я нашелъ большое сходство этаго кондакаря съ Нижегородскимъ и обратилъ на него ниманіе какъ на знакомую вещь. Хотя онъ былъ полнѣе нашего, о конца въ немъ недоставало. Нотные знаки въ немъ не такъ игурны, какъ въ нашемъ. Есть еще и другія различія. Въ томъ е году, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, Новскій сказалъ мнѣ, что онъ отыкалъ конецъ этого кондакаря и на послѣдней страницѣ 6715 207) годъ. Вы говорили о евангеліи, писанномъ св. Алексіемъ Митрополитомъ, хранящемся въ Чудовѣ монастырѣ; но есть еще вангеліе, или ветхій завѣтъ, писанный этимъ же святителемъ. Рукопись эту, превосходнаго письма, маленькаго формата вы вѣроятно сами видѣли въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи[1]).

---

[1]) Въ предисловіи къ своей книгѣ: «Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ» Пекарскій говоритъ о Д. В. Полѣновѣ, что онъ всегда ъ величайшею готовностью предоставлялъ изслѣдователю пользованіе своею иблiотекою, радушно дѣлился съ нимъ свѣдѣніями своими по библіографіи, и аконецъ узнавъ, что Пекарскому, при предстоявшемъ чтеніи корректуръ, ажно имѣть подъ руками описываемыя имъ сочиненія, великодушно передавалъ ему на все время печатанія изслѣдованія свое собраніе Петровскихъ нигъ.

[2]) На это И. И. Срезневскій отвѣчалъ ему: «Душевно признателенъ за сооб-

«Можете себѣ представить — пишетъ онъ въ этомъ же письмѣ—какъ я порадовался, прочитавъ въ Извѣстіяхъ Археологическаго Общества, что палеографическій трудъ вашъ наконецъ назначенъ къ печатанію. Вы помните, что я всегда особенно сочувствовалъ этому вашему труду, который по моему убѣжденію будетъ нашимъ свѣтильникомъ. Одного теперь желаю, чтобы радость моя была не напрасная. Даже готовъ бы былъ держать корректуру (13-го Октября 1862 г.)».

О способѣ собиранія былинъ Рыбниковымъ Димитрій Васильевичъ даетъ И. И. Срезневскому тѣ свѣдѣнія, о какихъ онъ его просилъ [1]).

Чрезъ Димитрія Васильевича извѣстный собиратель былинъ въ Олонецкомъ краѣ П. Н. Рыбниковъ тогда же представилъ въ даръ Археологическому Обществу собранные имъ въ Олонецкой губерніи разные камни, литые изъ стекла съ античныхъ образцовъ. Димитрій Васильевичъ, препровождая ихъ, приложилъ къ этому дару свое мнѣніе объ этихъ камняхъ — предметѣ торговли въ Россіи съ XIV столѣтія. (IV Т. стр. 255 Изв. Имп. Арх. Общ.).

Въ Петрозаводскѣ Димитрій Васильевичъ получилъ извѣстіе объ избраніи своемъ членомъ—корреспондентомъ академіи наукъ.

шеніе свѣдѣнія о кондакарѣ 1207 года. Вслѣдствіе его Отдѣленіе обращалось къ Митрополиту Филарету съ просьбою о сообщеніи этой книги. По письму вашему я вижу, что вы просматривали мое обозрѣніе памятниковъ съ истинно дружескимъ участіемъ и что, можетъ быть, заглянете въ него еще разъ и вновь замѣтите что нибудь требующее поправокъ, особенно когда отпечатается указатель и когда можно будетъ яснѣе видѣть чего въ немъ нѣтъ и что есть. Какъ бы я радъ былъ, если бы вы удосужились и помогли мнѣ исправить трудъ, который тогда только и будетъ дѣйствительно полезенъ, когда очистится отъ ошибокъ. Кстати и просьбица объ этомъ трудѣ. Въ дополненіяхъ у меня будетъ помѣщенъ отрывокъ изъ Житія Нифонта по списку 1219 г., именно главы 35, 36, 37. — Нельзя-ли мнѣ сообщить этотъ отрывокъ по вашему списку для помѣщенія варіанта».

[1]) «За свѣдѣнія о Рыбниковѣ—пишетъ ему въ отвѣтъ И. И. Срезневскій—душевно благодарю и ужь—хотите не хотите—воспользуюсь ими въ библіографическихъ запискахъ Извѣстій. Жаль конечно, что написали вы мало; впрочемъ малъ золотникъ да дорогъ».

Это была вторая награда за сочувствіе его наукѣ и содѣйствіе ей. Первою же было званіе почетнаго члена Императорской Публичной Библіотеки, полученное имъ еще въ 1859 году, «за изысканія его по археологіи и исторіи и за значительныя приношенія библіотекѣ»[1]).

Окончивъ свою миссію въ Петрозаводскѣ, Димитрій Васильевичъ весною 1863 года оставилъ этотъ городъ и провелъ лѣто по обычаю въ своихъ Имоченицахъ, на рѣкѣ Ояти, въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ. Пребываніе въ этой усадьбѣ, живописной и окруженной сосновыми лѣсами и озерами, составляло истинную отраду жизни Димитрія Васильевича. Тамъ проводилъ онъ лучшіе дни свои, въ горячо любившей его семьѣ, то устроивая домъ и размѣщая книги любимой библіотеки, то съ топоромъ и пилкою въ рукахъ работая надъ расчисткою парка и намѣчая въ немъ новыя дорожки и просѣки.

Осенью 1863 года Димитрій Васильевичъ переѣхалъ въ Петербургъ. Двое старшихъ сыновей его поступили въ университетъ, почему и поселился онъ на Васильевскомъ Островѣ, вблизи этого заведенія и академіи художествъ, гдѣ вскорѣ сталъ серьезно заниматься живописью его старшій сынъ. Въ томъ же году Димитрій Васильевичъ былъ причисленъ ко Второму Отдѣленію Собственной Е. И. В. Канцеляріи, гдѣ потомъ начались его новые замѣчательные труды, съ которыми онъ не разставался уже до конца дней своихъ. Прежде чѣмъ перейдти къ трудамъ Димитрія Васильевича по разработкѣ матеріаловъ законодательства, сдѣлаемъ краткій очеркъ его дѣятельности, по библіографіи и археологіи въ послѣдній 14 лѣтній періодъ его жизни, отъ конца 1863 по 1878 годъ.

Въ началѣ 1864 года скончался помощникъ предсѣдателя Археологическаго Общества, графъ Д. Н. Блудовъ. Поминая его

[1]) Въ числѣ многочисленныхъ приношеній Полѣнова Императорской Публичной Библіотекѣ какъ прежде, такъ и послѣ въ управленіе И. Д Делянова, слѣдуетъ упомянуть о нотномъ кондакарѣ, рукописномъ, XII вѣка, объ подлинной рукописи опальнаго синодика Ивана Грознаго, изданнаго Устряловымъ и о подлинной же рукописи записокъ Державина.

дѣятельность въ общемъ чрезвычайномъ собраніи, 3-го Марта, секретарь общества В. В. Вельяминовъ-Зерновъ говорилъ съ благодарностью о ближайшихъ сотрудникахъ покойнаго графа: о П. С. Савельевѣ, также покойномъ, и о присутствовавшихъ въ засѣданіи, бывшихъ секретаряхъ: А. Н. Поповѣ и Д. В. Полѣновѣ. Въ Апрѣлѣ на мѣсто гр. Блудова былъ избранъ князь Г. Г. Гагаринъ, старинный знакомецъ Димитрія Васильевича по Греціи. По предложенію новаго помощника предсѣдателя Общество обратило особое вниманіе на изслѣдованіе православныхъ памятниковъ въ Западномъ краѣ и однимъ изъ пяти избранныхъ въ эту коммиссію былъ Полѣновъ.

Занятый своими новыми работами по службѣ во Второмъ Отдѣленіи и поѣздками въ Москву и въ отдаленное имѣніе жены своей, Димитрій Васильевичъ до 1868 г. не принималъ особаго участія въ работахъ Археологическаго Общества. Близость его и частыя свиданія съ кн. Г. Г. Гагаринымъ, И. И. Срезневскимъ и В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ поддерживали тѣсную связь Димитрія Васильевича съ Обществомъ, на дѣла котораго онъ не переставалъ имѣть свое вліяніе. Въ 1868 г. онъ былъ избранъ библіотекаремъ Общества и вслѣдъ за тѣмъ и секретаремъ Русскаго отдѣленія.

Мы видимъ его потомъ работающимъ надъ изданіемъ лицевой рукописи современной Констанцскому собору и содержащей краткую его исторію; видимъ членомъ коммиссіи, выработавшей правила для присужденія медалей за труды по археологіи и членомъ коммиссіи по изданію древностей Софійскаго собора въ Кіевѣ, — депутатомъ отъ Общества на первомъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ, членомъ коммиссій по ревизованію суммъ Общества и наконецъ вновь секретаремъ его на мѣсто выбывшаго по нездоровью В. В. Вельяминова - Зернова, съ начала 1872 г. Какъ секретарь Общества, Димитрій Васильевичъ вновь повелъ его дѣла, и дѣйствовалъ въ различныхъ коммиссіяхъ, по обычаю Общества сосредоточивающихъ вниманіе и труды немногихъ избранныхъ на какомъ либо ученомъ предпріятіи.

оммиссія для изданія трудовъ втораго археологическаго съѣзда ъ С.-Петебургѣ) начала свои дѣйствія подъ предсѣдательствомъ имитрія Васильевича. — 13-го Октября 1873 г. Полѣновъ сложилъ съ себя званіе секретаря. Послѣ того мы видимъ его еще азъ избраннымъ членомъ коммиссіи о присужденіи медалей и ѣятелемъ и усерднымъ двигателемъ коммиссіи по изданію сочиненій Оленина. — Оленинская коммисія, признавая, что по поину Димитрія Васильевича напечатано было нѣсколько сочиненій . Н. Оленина, сама просила его принять участіе въ ея занятіяхъ (VIII ст. Изв Имп. Арх. Об. стр. 411).

Развивавшаяся болѣзнь дыхательныхъ путей заставила Димиріа Васильевича въ 1874 году поѣхать за границу, такъ что и едактируемый имъ VIII т. Извѣстій долженъ былъ перейдти въ ругія руки. Въ 1875 и слѣдующихъ затѣмъ годахъ Димитрій асильевичъ принималъ исключительно участіе въ дѣлахъ Оленской коммиссіи и приготовилъ къ переизданію одно изъ сочиеній Оленина: «Опытъ о гладіаторахъ». Уже больной и рѣдко экидавшій домъ Полѣновъ находилъ для себя отраду бесѣдовать ь навѣщавшимъ его молодымъ преемникомъ своимъ, секретаемъ Общества И. В. Помяловскимъ.

Что касается до сколько нибудь выдающихся трудовъ Димиріа Васильевича, писанныхъ имъ, въ этотъ періодъ времени, какъ леномъ Археологическаго Общества, то наиболѣе виднымъ есть го *«Библіографическое обозрѣніе трудовъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества»*, составленное имъ къ праздованію 25 лѣтняго существованія Общества. Юбилей этотъ былъ рединенъ съ открытіемъ втораго археологическаго съѣзда 871 г.), въ предварительномъ комитетѣ котораго Димитрій асильевичъ былъ однимъ изъ дѣятелей.

Въ рукописяхъ Димитрія Васильевича осталась его рецензія на етыре сочиненія И. И. Срезневскаго какъ то: 1) «Древніе памятики Русскаго письма и языка; 2) Древніе памятники письма и зыка Юго-Западныхъ Славянъ; 3) Древніе глаголическіе памятики сравнительно съ памятниками Кирилицы и 4) Свѣдѣнія и за-

мѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ». О первомъ и послѣднемъ трудѣ Димитрій Васильевичъ написалъ подробнѣе и обстоятельнѣе свои замѣчанія, чѣмъ о второмъ и третьемъ. При строгомъ вниманіи къ «Древнимъ памятникамъ» видно сочувствіе археолога къ археологу. За этотъ періодъ времени, кромѣ наиболѣе занимавшихъ его работъ по исторіи законодательства, Димитрій Васильевичъ помѣстилъ въ Русскомъ Архивѣ (1867 г.) статью *«О запискахъ Храповицкаго, изданныхъ Геннади»*. Въ поправкахъ «чтенія» того или другаго мѣста сказалось ясное разумѣніе эпохи и точныя свѣдѣнія. Требованія отъ комментатора — издателя ясности и опредѣленности въ указаніяхъ привели рецензента къ исправленію невѣрныхъ догадокъ, а иногда просто къ подчеркиванью того, что оказалось не яснымъ и сомнительнымъ поясненіемъ.

Мы сказали выше, что, по возвращеніи изъ Петрозаводска, Димитрій Васильевичъ былъ причисленъ къ Второму Отдѣленію Собственной Е. И. В. Канцеляріи, главноуправляющимъ котораго былъ тогда баронъ (въ послѣдствіи графъ) Модестъ Андреевичъ Корфъ. При самомъ вступленіи Полѣнова во Второе Отдѣленіе баронъ Корфъ поручилъ ему заняться собраніемъ матеріаловъ для исторіи нашего законодательства, что входило въ кругъ занятій этого вѣдомства еще при первоначальномъ его учрежденіи. Тогда Димитрій Васильевичъ обратилъ вниманіе барона Корфа на то, что матеріалы для означенной исторіи должны находиться въ нашихъ архивахъ и преимущественно въ архивѣ Втораго Отдѣленія и что прежде всего надлежало бы ознакомиться съ содержаніемъ сего послѣдняго. Согласившись съ этимъ представленіемъ, бар. Корфъ возложилъ на Полѣнова обозрѣніе архива II Отдѣленія. Приступивъ къ этому дѣлу, Димитрій Васильевичъ въ короткое время замѣтилъ существенный недостатокъ архива, а именно: неимѣнье хорошихъ описей и сверхъ того разрозненность и не полноту. Въ примѣръ послѣдней Димитрій Васильевичъ приводилъ слѣдующій любопытный случай: коммиссія, учрежденная Петромъ Великимъ 9-го Декабря 1719 г. открыла свои дѣйствія съ 7-го Января 1720. Между тѣмъ про-

токольныя записки начинаются съ Февраля мѣсяца. Весь же Январь мѣсяцъ, какъ въ послѣдствіи отыскалъ онъ самъ, находится въ Московскомъ архивѣ министерства Юстиціи (Сенатскій старыхъ дѣлъ) то же переплетенный не у мѣста въ одну изъ громаднаго числа книгъ. Какимъ образомъ — недоумѣвалъ Димитрій Васильевичъ—одинъ только мѣсяцъ изъ 15 лѣтъ отдѣлился въ другое мѣсто? — Что же касается до описей, то ихъ не точность и не основательность слѣдующимъ образомъ объяснена Димитріемъ Васильевичемъ въ его рукописной запискѣ объ архивѣ II Отдѣленія: «Извѣстно, что учрежденію II Отдѣленія предшествовалъ цѣлый рядъ законодательныхъ коммиссій, которыя съ начала 1700 года по 1826 годъ установлялись въ разное время, подъ разными названіями, но всѣ съ одинаковою цѣлью привести законы наши въ порядокъ. Дѣла этихъ Коммиссій и составляютъ главнѣйшее содержаніе архива II Отдѣленія. По этому въ основаніе порядка при распредѣленіи дѣлъ надлежало бы принять самыя коммиссіи и по нимъ расположить дѣла, держась наиболѣе повременнаго порядка. Но описи архива составлены по плану, заимствованному изъ какого нибудь учебнаго руководства по части законодательства или права. Видно также, что планъ былъ написанъ прежде, а къ нему т. е. подъ изготовленныя уже рубрики подбирались самыя дѣла. Впрочемъ какъ бы планъ не былъ недостаточенъ, но всё таки составленныя по немъ описи могли бы служить руководствомъ или указаніемъ, если бы онѣ были сдѣланы удовлетворительно. Но этого то и недостаетъ. Краткость описей, ошибочныя названія дѣлъ и документовъ, распредѣленіе многихъ изъ нихъ не по своимъ мѣстамъ недаютъ точнаго понятія о дѣлахъ, числящихся подъ извѣстною рубрикою и крайне затрудняютъ отысканіе самыхъ документовъ». Такія слова Димитрій Васильевичъ подтверждаетъ указаніями на извѣстныя ему связки или картоны и на ихъ заглавія въ описи. Трудно отыскивать и вмѣстѣ приводить въ порядокъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни завѣдующаго архивомъ, ни хранителей сколько нибудь знакомыхъ съ содержаніемъ хранимаго. Но этотъ трудъ какъ нельзя болѣе

подходилъ ко вкусу Димитрія Васильевича, давно стремившагося къ архивной работѣ. И вотъ онъ сталъ сортировать и разыскивать документы по исторіи Русскаго законодательства. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (въ Февралѣ 1864) онъ уже могъ представить бар. Корфу стройное свѣдѣніе о Палатѣ объ уложеніи. Бар. Корфъ, возвращая, послѣ сдѣланнаго имъ доклада, во Второе Отдѣленіе представленныя Димитріемъ Васильевичемъ бумаги, не скрылъ того одобрительнаго отзыва, который заслужила работа Полѣнова и разборъ и описаніе имъ архива II Отдѣленія. Казалось будущее этихъ трудовъ было упрочено.

Но въ томъ-же мѣсяцѣ бар. Корфъ оставилъ свой постъ, и мѣсто его заступилъ графъ Викторъ Никитичъ Панинъ. Работа, начавшаяся подъ непосредственнымъ вліяніемъ барона Корфа, осталась на рукахъ Димитрія Васильевича безъ будущаго. Онъ одинъ могъ и долженъ былъ продолжать ее, но для этого, при несамостоятельности его положенія, какъ лица, состоявшаго при Отдѣленіи сверхъ штата, ему было невозможно продолжать дѣло безъ поддержки со стороны главноуправляющаго, отъ сочувствія котораго зависѣло сверхъ того и изданіе разработаннаго матеріала. Отъ 8-го Іюля 1864 г. Димитрій Васильевичъ пишетъ графу Панину о томъ, что онъ, нѣсколько ознакомившись съ архивомъ Отдѣленія, нашелъ весьма любопытные матеріалы; что имъ разработано и приведено въ порядокъ всё, что относится до Палаты, учрежденной императоромъ Петромъ Великимъ въ 1700 году для дополненія уложенія царя Алексѣя Михайловича. Полѣновъ называетъ эту Палату зерномъ многихъ слѣдовавшихъ одна за другою законодательныхъ коммиссій, образовавшихся окончательно во Второе Отдѣленіе Собственной Е. И В. Канцеляріи. Къ донесенію была приложена записка, содержащая въ себѣ обозрѣніе дѣйствій Палаты о уложеніи. Графъ Панинъ къ счастію отнесся къ работѣ Димитрія Васильевича съ сочувствіемъ. Въ Августѣ мѣсяцѣ того же года Полѣновъ былъ Высочайше командированъ въ Москву на три мѣсяца для разысканія матеріаловъ по исторіи законодательства въ тамошнихъ архивахъ

Юстиціи, министерства Иностранныхъ дѣлъ и Оружейной Палаты. Поиски не были безуспѣшны: Димитрій Васильевичъ нашелъ дополнительныя свѣдѣнія по дѣйствіямъ Палаты 1700 г. и напалъ и на другіе документы, пополняющіе дефектныя связки архива Втораго Отдѣленія. Плодомъ этого пребыванія въ Москвѣ была между прочимъ изданная въ 1865 году брошюра, подъ названіемъ: *Матеріалы для исторіи Русскаго законодательства, выпускъ первый: Палата о уложеніи.* Въ трудѣ этомъ находимъ свѣдѣнія о личномъ составѣ учрежденной Петромъ Великимъ Палаты, о порядкѣ ея занятій, объ отношеніяхъ къ приказамъ и о нѣкоторыхъ другихъ внѣшнихъ сторонахъ веденія дѣлъ.

Сверхъ того Димитрій Васильевичъ запасся матеріалами и о другихъ законодательныхъ коммиссіяхъ. Вышедшая, во II томѣ (1868 г.) Сборника Русскаго Историческаго Общества, статья: *Законодательная коммисія при Петрѣ II (1828 г.)* была подготовлена также во время Московской командировки, а равно и статья: *О присягѣ иноземцевъ, принятыхъ въ Русскую службу при Петрѣ Великомъ, составленная по подлиннымъ дукументамъ, хранящимся въ Архивѣ Министерства Юстиціи* и помѣщенная въ Русскомъ Архивѣ 1869 года. Послѣдовательная работа по исторіи законодательства со временъ Петра, двигаясь впередъ, требовала еще розысканій и разсмотрѣнія законодательныхъ мѣропріятій въ царствованіе Анны и Елисаветы; однакоже Димитрію Васильевичу пришлось прямо перейдти на наиболѣе крупное и сложное явленіе – на Екатерининскую коммиссію о сочиненіи проэкта новаго уложечія. Во время упомянутой нами командировки, въ Москвѣ, Димитрій Васильевичъ получилъ отъ гр. Панина порученіе освѣдомиться — откуда были получены и гдѣ находятся напечатанные въ Русскомъ Вѣстникѣ документы и свѣдѣнія о коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія, учрежденной Екатериною II-ю. «Въ этомъ журналѣ за 1861 г., т. XXXV и XXXVI были помѣщены—отвѣчалъ Полѣновъ графу Панину—двѣ статьи, относящіяся до помянутой коммисіи. Одна, подъ заглавіемъ: «Разсказы изъ Русской исторіи XVIII вѣка», принад-

лежитъ профессору здѣшняго университета Соловьеву, и заключающіяся въ ней свѣдѣнія объ Екатерининской коммисіи заимствованы имъ изъ бумагъ императорскаго Эрмитажа. Такъ сказалъ мнѣ самъ профессоръ Соловьевъ. Другая статья, подъ названіемъ: «Матеріалы для исторіи коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія» содержитъ списокъ депутатовъ, выбранныхъ отъ разныхъ вѣдомствъ для присутствованія въ сей коммиссіи и есть ничто иное какъ перепечатка книжки, вышедшей въ 1768—1769 годахъ, а нынѣ по рѣдкости ея, вновь изданной Г. Лонгиновымъ въ видѣ приложенія къ Русскому Вѣстнику».

По волѣ гр. Панина Димитрій Васильевичъ началъ собирать свѣдѣнія о находящихся въ Москвѣ документахъ Екатерининской коммиссіи. «Такихъ документовъ значительное количество нашелъ я — пишетъ онъ гр. Панину — въ Главномъ Архивѣ министерства Иностранныхъ дѣлъ. Документы эти находятся въ порядкѣ и заключаютъ въ себѣ, хотя и въ отрывочномъ видѣ, бумаги по 14 частнымъ коммиссіямъ (всѣхъ ихъ какъ извѣстно было болѣе 19). Между этими бумагами есть нѣсколько собственноручныхъ записокъ и отмѣтокъ самой Екатерины II». Но цѣль, съ которою Димитрій Васильевичъ пріѣхалъ въ Москву дѣлать разысканія, стояла у него еще на первомъ планѣ. Такъ онъ съ радостью извѣщаетъ главноуправляющаго о томъ, что онъ напалъ на дѣло «о внесеніи изъ Посольскаго Приказа въ Уложенную палату бояръ — списковъ съ именныхъ указовъ и новоуказныхъ статей. Дней же черезъ десять спустя, считаетъ онъ своимъ долгомъ сдѣлать подробное описаніе отысканнаго въ Главномъ Архивѣ министерства Иностранныхъ дѣлъ документа, въ которомъ онъ узналъ XVIII главу Уложенія о печатныхъ пошлинахъ, прослушанную въ Уложенной палатѣ 1700 года.

По возвращеніи Димитрія Васильевича въ Петербургъ, въ Декабрѣ 1864 года, его встрѣтилъ новый планъ гр. Панина, который состоялъ въ томъ, чтобы оставить пока продолженіе исторіи законодательства и перейдти къ разработкѣ документовъ до Екатерининской коммиссіи относящихся. Въ 1865 году одна-

коже напечатанъ былъ, какъ мы уже сказали выше, первый опытъ изданія матеріаловъ для исторіи законодательства: Палата о Уложеніи. Послѣ отпечатанія этого труда, Димитрій Васильевичъ принялся за новую работу, подавлявшую огромнымъ количествомъ матеріала. Къ счастію матеріалъ находился подъ руками въ архивѣ Втораго Отдѣленія и его оказалось громадное богатство. Работа Димитрія Васильевича началась съ обозрѣнія матеріала. По обозрѣніи нужно было привести въ порядокъ многочисленные наказы и мнѣнія, представленныя депутатами въ коммиссію и распредѣлить эти послѣднія по засѣданіямъ, въ которыя онѣ были читаны. Сложная архивная работа предваряла чтеніе и уразумѣніе наказовъ и мнѣній. Трудъ, предпринятый однимъ труженикомъ, безъ сотрудника и даже безъ механическаго помощника, двигался впередъ по немногу, и графъ Панинъ, получая отъ Димитрія Васильевича тетрадь за тетрадью, докладывалъ Государю Императору о вновь открытыхъ и обработанныхъ свѣдѣніяхъ о Екатерининской коммиссіи. Къ 1 Апрѣля 1866 года Димитрій Васильевичъ обработалъ исторію открытія коммиссіи, обрядъ ея и первыя семь засѣданій, а къ концу того же года представилъ графу Панину 5-ю тетрадь, оканчивавшуюся 20-ымъ засѣданіемъ. Вскорѣ послѣ того гр. Панинъ поручилъ Димитрію Васильевичу составить отвѣтъ на вопросъ: по какому поводу коммиссія о сочиненіи проэкта новаго уложенія была закрыта? и сверхъ того еще просилъ его отъ себя отвѣтить и на два другихъ вопроса: 1) какія законоположенія составились въ послѣднее время изъ трудовъ коммиссіи и 2) какія изъ заявленій депутатовъ въ Большой коммисіи не были приняты правительствомъ?

Пока Димитрій Васильевичъ подготавливалъ свой отвѣтъ на эти вопросы, гр. Панинъ оставилъ должность главноуправляющаго Вторымъ Отдѣленіемъ и на мѣсто его былъ назначенъ князь Сергій Николаевичъ Урусовъ. И вотъ, отъ 8-го Іюля 1867 года, Полѣновъ вновь входитъ съ заявленіемъ о начатыхъ имъ трудахъ, обозрѣваетъ то, что было имъ сдѣлано по почину барона Корфа, касательно исторіи законодательства, равно какъ и то, что при

гр. Панинѣ было имъ сдѣлано, но далеко не окончено. Онъ поясняетъ тутъ же и планъ разработки дѣяній Екатерининской коммиссіи — планъ, стройно вытекавшій изъ послѣдовательнаго обзора засѣданій. Вмѣстѣ съ этимъ Полѣновъ представилъ князю С. Н. Урусову отвѣтъ на вопросъ, предложенный черезъ гр. Панина о поводѣ, по какому коммиссія была закрыта. Кн. Урусовъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на продолженіе начатой Полѣновымъ работы по Екатерининской коммиссіи. Въ 1868 году трудъ Димитрія Васильевича подвинулся настолько, что первый объемистый томъ былъ готовъ къ печати.

Не задолго до того открылось въ С.-Петербургѣ Историческое Общество, почетнымъ предсѣдателемъ котораго и понынѣ состоитъ Государь Наслѣдникъ, а предсѣдателемъ со времени его открытія состоялъ князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Узнавъ о подготовленной къ изданію работѣ по Екатерининской коммиссіи, князь Вяземскій живо заинтересовался ею и предложилъ Димитрію Васильевичу содѣйствовать изданію этого труда посредствомъ Историческаго Общества. «Принимая въ соображеніе, что труды этой Коммисіи составляютъ важнѣйшую часть исторіи нашего законодательства, и что имѣющіяся въ нашей печатной литературѣ свѣдѣнія о ней крайне скудны и весьма разнорѣчивы и слѣдовательно распространяютъ превратныя свѣдѣнія объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣяній царствованія Екатерины Великой, Историческое Общество изъявило согласіе принять на себя изданіе приготовляемаго г. Полѣновымъ труда». Такъ писалъ кн. П. А. Вяземскій (отъ 24-го Апрѣля 1868 г.) главноуправляющему Вторымъ Отдѣленіемъ, прося его благосклонно содѣйствовать этому дѣлу и исходатайствовать Высочайшее соизволеніе на изданіе Историческимъ Обществомъ «Екатерининской коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія». Кн. С. Н. Урусовъ вскорѣ послѣ того представилъ Государю Императору о всемилостивѣйшемъ дозволеніи издать трудъ Полѣнова. 16-го Мая 1868 г., послѣдовало Высочайшее Государя Императора соизволеніе на напечатаніе свѣдѣній о Екатерининской коммиссіи,

при чемъ непосредственное наблюденіе надъ содержаніемъ печатаемаго матеріала было возложено на кн. П. А. Вяземскаго. Такимъ образомъ Димитрій Васильевичъ дождался возможности увидѣть свой трудъ нѣсколькихъ лѣтъ въ печати. Ни что не тяготило его такъ, какъ мысль о томъ, что свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи, собранныя и обработанныя имъ, останутся на долго въ рукописи, къ ущербу нашей исторической науки. А между тѣмъ работа была въ полномъ ходу и зашла далеко впередъ того, что было изготовлено къ изданію I части. Не менѣе отрадно для Димитрія Васильевича было и то, какъ онъ признавался, что цензурная отвѣтственность была возложена на кн. П. А. Вяземскаго, ясно и просто смотрѣвшаго на наше историческое прошедшее и вполнѣ сходившагося съ Димитріемъ Васильевичемъ въ спокойномъ созерцаніи настоящаго. Князь Вяземскій могъ только облегчить отвѣтственность и никакъ не могъ, по самой природѣ своей, создать или измыслить затрудненія.

5-го Ноября 1868 г. Димитрій Васильевичъ былъ приглашенъ въ засѣданіе Историческаго Общества, гдѣ и дѣлалъ докладъ объ изготовленномъ имъ трудѣ.

Первая часть *Историческихъ свѣдѣній о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія* вышла въ 1869 году, какъ IV томъ Сборника Русскаго Историческаго Общества. Предисловіе представляетъ краткую, но тѣмъ не менѣе точную и весьма интересную исторію коммиссіи отъ начала ея до самого закрытія. Источникомъ этого предварительнаго обзора дѣйствій коммиссіи, отъ начала ея до самого закрытія, были главнымъ образомъ дневныя записки засѣданій, представляющія «внѣшнюю исторію коммиссіи депутатовъ», по вѣрному выраженію Полѣнова. Мнѣнія депутатовъ, читанныя въ собраніи и подлинные наказы, данные имъ отъ всѣхъ сословій имперіи, должны были составить самое содержаніе обширнаго труда. Въ предисловіи Димитрій Васильевичъ обозрѣлъ порядокъ чтенія мнѣній и наказовъ и указалъ на вопросы, затронутые въ тѣхъ и другихъ. Съ большею подробностью остановился онъ на мнѣніяхъ, коснувшихся вопроса

о крѣпостныхъ крестьянахъ и о власти надъ ними помѣщиковъ и преимущественно на мнѣніи депутата отъ Козловскаго дворянства Коробьина, признавшаго за нужное ограничить власть помѣщиковъ надъ имѣньемъ ихъ крестьянъ. Мнѣніе это послужило предметомъ для горячихъ преній въ коммиссіи. Объяснивъ порядокъ, принятый имъ для размѣщенія наказовъ, Димитрій Васильевичъ говоритъ, что напечаталъ ихъ такъ, какъ они находились въ подлинникахъ, но съ правописаніемъ и разстановкою знаковъ препинанія нынѣшними — и съ весьма рѣдкимъ исправленіемъ явныхъ ошибокъ писцовъ. Но не такъ поступилъ онъ съ депутатскими мнѣніями. Онъ счелъ нужнымъ изложить ихъ нынѣшнимъ языкомъ, при чемъ опирался на «ненадобность передавать нескладное писаніе плохихъ грамотѣевъ, однакоже весьма здраво разсуждавшихъ въ бо̀льшей части случаевъ». Такимъ образомъ, сознавъ необходимость перевода депутатскихъ мнѣній, Димитрій Васильевичъ подъялъ на рамена свои весьма сложную работу, за которую иные ученые укоряли его, но за которую ему скажетъ спасибо тотъ, кому понадобится уловить содержаніе словообильныхъ и весьма многочисленныхъ депутатскихъ мнѣній. Но, чтобы дать понятіе о языкѣ, которымъ большая часть депутатовъ выражалась письменно, Димитрій Васильевичъ представилъ для образца нѣсколько отрывковъ, списанныхъ имъ буква въ букву.

Сноровка археографа и бывшаго редактора археологическихъ трудовъ сказалась естественнымъ образомъ и въ этомъ трудѣ Димитрія Васильевича — во всемъ согласномъ съ предначертаннымъ планомъ, снабженномъ, гдѣ нужно, пояснительными ссылками и указателемъ собственныхъ именъ. Около 500 страницъ большаго формата убористой печати вмѣстили, кромѣ исторіи «обряда» т. е. устроенія коммиссіи и ея открытія, мнѣнія и замѣчанія депутатовъ, читанныя на первыхъ 30 засѣданіяхъ и сверхъ того 33 наказа отъ дворянъ Московской губерніи.

10-го Марта 1870 г. Димитрій Васильевичъ былъ избранъ въ члена Историческаго Общества, вмѣстѣ съ княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ, гр. А. С. Уваровымъ и П. П. Пекарскимъ.

Появленіе свѣдѣній о Екатерининской коммиссіи произвело сильное впечатлѣніе на представителей науки и періодической прессы. Передовыя статьи и фельетоны всѣхъ наиболѣе крупныхъ ежедневныхъ изданій заговорили о новой книгѣ и о самой «коммиссіи». Заимствуя изъ предисловія Димитрія Васильевича, всѣ на перерывъ старались пояснить поводъ созванія депутатовъ, передавали своими словами обрядъ коммиссіи, а изъ мнѣній депутатовъ почерпали, наиболѣе соотвѣтствовавшія вопросу дня разсужденія—о свободѣ крестьянъ и о взглядахъ Русскихъ депутатовъ на привиллегіи Остзейцевъ. Въ Русскомъ Архивѣ—извѣстный Москвѣ, другъ Полѣнова, Ѳ. В. Чижовъ затронулъ по поводу «Свѣдѣній о Екатерининской коммиссіи» и другіе труды Димитрія Васильевича по исторіи законодательства, отмѣтивъ въ каждомъ изъ нихъ живыя черты эпохи и нравовъ. Собранію депутатовъ Чижовъ придавалъ существенное значеніе и сопоставлялъ это событіе съ земствомъ, тогда только что вызваннымъ къ жизни. Московскія Вѣдомости по поводу новой книги пояснили какъ Москва оцѣнила довѣріе, оказанное Императрицею обществу. Незнакомецъ, въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, приглашалъ Русскихъ людей почитать мнѣнія предковъ и живыми красками обрисовалъ коммисію, на основаніи новаго матеріала.

Въ университетахъ профессора правъ, съ доселѣ неизвѣстнымъ матеріаломъ въ рукахъ, заговорили о Екатерининской коммиссіи депутатовъ, и спеціалисты съ нетерпѣніемъ ожидали появленія II части.

Она появилась въ 1871 году и заняла собою VIII томъ Сборника Историческаго Общества. Въ ней изложены вопросы о купечествѣ, разсматривавшіеся на 46 засѣданіяхъ коммиссіи. Требованія купцовъ объ увеличеніи имъ тѣхъ льготъ, которыми они уже пользовались, и о расширеніи ихъ правъ на счетъ земледѣльческаго класса и даже дворянскаго сословія породили споры, въ которыхъ высказывался съ очевидною истиною тогдашній внутренній бытъ многочисленной части нашего народа. Во второй части много интересныхъ для исторіи права и быта документовъ. Таково напримѣръ мнѣніе Велико-Устюжскаго депутата, Плотникова,

въ которомъ находимъ свѣдѣнія о половникахъ Вологодской губерніи — особомъ сословіи, весьма мало у насъ изслѣдованномъ.

Третья часть Истор. свѣдѣній о Екатерининской коммиссіи появилась въ 1875 году, какъ XIV томъ Сборника Историческаго Общества. Въ ней заключаются вопросы о юстиціи, или разсужденія депутатовъ о законахъ о юстиціи, въ составъ которыхъ входили постановленія, относящіяся до судоустройства и судопроизводства. Къ этой части, также какъ и ко второй, въ видѣ приложенія присоединены: наказы депутатамъ различныхъ мѣстностей, особыя мнѣнія, списки лицъ, подписавшихъ наказы, и азбучные указатели. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, уже больной, докончилъ Димитрій Васильевичъ пересмотръ приготовленной имъ къ печати IV части Историческихъ свѣдѣній о Екатерининской Коммисіи и передалъ въ рукописи этотъ трудъ секретарю Историческаго Общества А. А. Половцову. Четвертая часть обнимаетъ рядъ засѣданій, на которыхъ вопросъ о бѣглыхъ былъ подвергнутъ обсужденію. Въ эту часть, по словамъ самого Полѣнова, войдутъ возникшія между депутатами пренія объ освобожденіи крестьянъ отъ помѣщичьей власти. Къ этой части Димитрій Васильевичъ имѣлъ намѣреніе приложить 35 наказовъ отъ дворянъ Воронежской и Бѣлогородской губерній.

Кромѣ избранныхъ занятій по Екатерининской коммиссіи Димитрію Васильевичу поручались иногда и другія работы, преимущественно историческаго характера. Что же касается до кодификаціонныхъ работъ, составляющихъ главное занятіе Втораго Отдѣленія, то Димитрій Васильевичъ имъ былъ совершенно чуждъ. Въ 1872 году онъ былъ назначенъ отъ Втораго Отдѣленія членомъ учрежденной при министерствѣ Народнаго Просвѣщенія временной коммиссіи для обсужденія вопросовъ относительно устройства архивовъ.

Въ 1876 году на долю Димитрія Васильевича выпалъ трудъ составить къ 50-лѣтнему юбилею Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи *Краткій очеркъ дѣятельности* этого учрежденія отъ 1826 по 1876 годъ.

Въ 1876 году Димитрій Васильевичъ былъ сдѣланъ завѣ-

дующимъ архивомъ II Отдѣленія, и даже можно сказать, что эта новая должность была учреждена для него лично. Въ то время здоровье его значительно ухудшилось, и онъ искренно пожалѣлъ, что завѣдываніе архивомъ не выпало на его долю нѣсколько лѣтъ ранѣе. Забота объ устройствѣ архивовъ не оставляла его никогда. Такъ въ 1874 году, во время путешествія по западной Европѣ, онъ гдѣ могъ изучалъ устройство архивовъ: въ Парижѣ онъ посвятилъ этому дѣлу много времени и мимоѣздомъ въ Баіонѣ обозрѣлъ замѣчательный по устройству и порядку архивъ. Эта была первая и послѣдняя поѣздка его въ западную Европу. Тогда только онъ впервые увидалъ картины великихъ мастеровъ, къ которымъ влекло его сильно развитое въ немъ чувство изящнаго. Въ Парижѣ онъ пробылъ довольно долго, потому что тамъ имѣлъ тогда свою мастерскую его старшій сынъ — художникъ.

Когда, въ слѣдующіе затѣмъ годы, медики совѣтовали ему попользоваться теплымъ климатомъ, онъ уже не въ силахъ былъ предпринять поѣздку за границу, а пилъ Эмскія воды въ Кіевской губерніи и одну осень провелъ на Южномъ берегу Крыма. Но ни теплый климатъ, ни леченье не облегчали болѣзни, входившей въ свои права. Почти за годъ до кончины онъ, сверхъ своей постоянной болѣзни дыхательныхъ путей, заболѣлъ возвратною горячкою, продолжавшеюся два мѣсяца. Послѣ этого онъ значительно ослабѣлъ, но до самого лѣта 1878 г. еще продолжалъ свои любимыя занятія: готовилъ къ изданію IV часть Екатерининской коммиссіи, исправлялъ Оленинскій экземпляръ «Опыта о гладіаторахъ», прочитывая новыя книги, съ неизмѣннымъ вниманіемъ карандашемъ дѣлалъ на нихъ корректурныя поправки и отмѣчалъ неясныя выраженія. Лѣтомъ же состояніе его здоровья настолько ухудшилось, что онъ уже не могъ протянуться и лечь, а проводилъ дни и ночи сидя въ креслѣ. Тогда онъ заставлялъ себѣ читать вслухъ и распоряжался приведеніемъ въ порядокъ своихъ бумагъ и книгъ.—Настала Петербургская долгая осень, и онъ слабѣлъ день отъ дня. Домашняя всенощная, хоровое домашнее пѣнье и музыка доставляли ему забвеніе его опаснаго и тяжкаго

состоянія. Онъ не переставалъ принимать живое участіе во всемъ, что касалось его близкихъ. Не малымъ утѣшеніемъ служили ему новыя произведенія его сына, академика живописи, во время войны пожившаго за Дунаемъ. Надо замѣтить, что Димитрій Васильевичъ особенно заботился о развитіи въ дѣтяхъ своихъ не только любви, но и строгаго пониманія искуства. Серьезные успѣхи въ живописи его сына поэтому самому были для него заслуженною наградою.

Тихо, не замѣтно для окружающихъ, сидя на креслѣ, въ обычной въ послѣдніе дни полудремотѣ, наклонивъ голову на лежавшую передъ нимъ подушку, окончилъ онъ свое земное бытіе. Археологическое Общество откликнулось на вѣсть о кончинѣ Д. В. Полѣнова желаніемъ почтить его память изданіемъ его біографіи и портрета.

Въ заключеніе мы не можемъ не сказать, что въ Полѣновѣ Русская историческая наука и словесность утратили одного изъ искреннихъ и ревностныхъ поклонниковъ. До послѣднихъ дней своихъ Димитрій Васильевичъ встрѣчалъ всякое новое оригинальное произведеніе по отечественной исторіи съ горячимъ, возбужденнымъ интересомъ. Появленіе же серьезнаго изданія памятниковъ или полнаго собранія сочиненій знаменитаго Русскаго писателя было для него важнымъ, животрепещущимъ событіемъ. Но не только это: всѣ отмѣченныя талантомъ произведенія отечественной изящной литературы читались и перечитывались имъ съ упоеніемъ. Часто въ разговорѣ припоминалъ онъ лучшія мѣста изъ новыхъ произведеній гр. Л. Толстаго, Печерскаго, Достоевскаго. Что-же касается до произведеній нашихъ писателей былыхъ временъ, то они живо и отчетливо хранились въ его памяти, освѣщенныя яркими красками преданія и библіографическихъ свѣдѣній. Принимая живое участіе въ судьбахъ родной литературы, онъ до послѣдняго мѣсяца жизни своей собиралъ изъ газетъ и журналовъ рецензіи, полемики и некрологи писателей. Послѣ всего сказаннаго нѣтъ надобности говорить о томъ, насколько покойный Димитрій Васильевичъ былъ полонъ любви къ отечественной словесности. Мы уже видѣли насколько онъ, по мѣрѣ силъ своихъ, потрудился на пользу отечественной науки и тѣмъ соблюлъ завѣтъ и вѣру отцевъ своихъ.

И. Хрущовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

(19-го іюня 1869 г.)

Письмо Д. В. Полѣнова къ М. П. Погодину.

Достойнѣйшій Михаилъ Петровичъ!

Надѣюсь, что въ непродолжительномъ времени я представлю вамъ существенное удостовѣреніе о томъ, почему я замедлилъ отвѣчать вамъ на любезныя строки ваши отъ 12 апрѣля. Оставаться безъ оправданія передъ вами нельзя. Но это еще впереди; а теперь исполняю принятую на себя обязанность сообщеніемъ вамъ свѣдѣній о покойномъ Бороздинѣ.

Константинъ Матвѣевичъ Бороздинъ (тайный совѣтникъ, сенаторъ и проч.), родился въ С.-Петербургѣ 13-го мая 1781 г., скончался 10-го мая 1848 г. слѣдовательно ему было отъ роду 67 лѣтъ безъ 3-хъ дней.

Мнѣ не извѣстенъ ходъ его образованія, но знаю только, что онъ получилъ его въ домѣ своихъ родителей и послѣдствія показали, что оно было основательное. Преимущественное изученіе Русской исторіи, и въ особенности генеалогіи, бывшее предметомъ занятій его во всю жизнь, ввело его въ кругъ тогдашнихъ ученыхъ и близко познакомило съ Оленинымъ. Первый напечатанный имъ опытъ его трудовъ было небольшое сочиненіе: «Начертаніе жизни князя Якова Өедоровича Долгорукова. Спб. 1805». Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того (въ 1809 г.) онъ предпринялъ, по Высочайшему повелѣнію, ученое путешествіе по Россіи, въ сопровожденіи назначенныхъ къ нему А. И. Ермолаева и рисовальщика Иванова. Ему сопутствовалъ еще Максютинъ, архитекторъ, въ послѣдствіи

служившій въ Московской Кремлевской экспедиціи и скончавшійся въ Москвѣ лѣтъ 10-ть тому назадъ. Если не ошибаюсь, то въ снаряженіи этого путешествія принималъ участіе Валуевъ, бывшій начальникомъ Кремлевской экспедиціи и издавшій «Описаніе Коломенскаго дворца». Бороздину дана была инструкція на совершеніе этого путешествія. Она была бы въ настоящее время крайне любопытна, и я думаю, что при содѣйствіи почтеннѣйшаго А. Ѳ. Вельтмана ее можно бы найти въ архивѣ Оружейной Палаты, и если тамъ нѣтъ, то поискать въ какомъ-нибудь другомъ архивѣ дворцоваго вѣдомства. Въ послѣднемъ случаѣ могъ бы помочь Г. В. Есиповъ. Плодомъ этого путешествія было собраніе великолѣпнѣйшихъ рисунковъ красками, составившихъ четыре огромные фоліанта, хранящіеся въ Импер. Публичной Библіотекѣ.

Нездоровье мѣшаетъ мнѣ побывать въ Библіотекѣ. А я намѣренъ сдѣлать по возможности библіографическое описаніе этого драгоцѣннаго собранія, на сколько разумѣется станетъ умѣнія. Изъ разсмотрѣнія этихъ рисунковъ можно будетъ видѣть, какія мѣстности посѣтилъ Бороздинъ, а этого нельзя ни откуда болѣе узнать, потому что описаніе путешествія къ сожалѣнію не сохранилось. По памяти знаю только, что при каждомъ рисункѣ приложены ихъ описанія, иногда довольно подробныя, большею же частію самыя короткія. Изъ разсказовъ К. М. о его путешествіи я помню два случая, которые довольно любопытны именно въ археологическомъ отношеніи. Осматривая стѣны Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, подъ руководствомъ провожатаго изъ монастырскихъ чиновъ, Бороздинъ зашелъ въ одну изъ стѣнныхъ башенъ. Тутъ въ темномъ углу онъ увидѣлъ груду наваленой въ безпорядкѣ бумаги. Онъ спросилъ у провожатаго: «а это что у васъ? Да это, отвѣчалъ отецъ, не нужный хламъ—сюда снесенъ изъ ризницы; сбираемся сжечь, да все не досугъ. Бороздинъ нагнулся и на удачу въ темнотѣ ему попалась маленькая рукописная книжка. Удостовѣрившись отъ провожатаго, что это точно ни на что не нужный хламъ, назначённый въ жертву пламени, Бороздинъ попросилъ позволенія взять себѣ поднятую имъ книжку. Берите что хотите, отвѣчалъ провожатый. Поднятая книжка была—опальный синодикъ Іоанна Грознаго, въ послѣдствіи напечатанный Устряловымъ въ Сказаніи князя Курбскаго.

Въ другомъ монастырѣ, осмотрѣвъ соборную церковь, Бороздинъ отправился къ настоятелю. Изъ собора къ его кельямъ вела дорога устланная плитами. Бороздинъ замѣтилъ, что всѣ плиты были съ высѣченными на нихъ надписями. На вопросъ его у провожатаго, что это за плиты, онъ получилъ въ отвѣтъ, что это камни, снятые со старыхъ надгробныхъ

памятниковъ. Разсмотрѣвъ ихъ внимательнѣе, онъ увидѣлъ нѣсколько камней съ именами, принадлежащими къ одному изъ нашихъ знаменитыхъ и богатыхъ родовъ. Придя къ настоятелю, Бороздинъ завелъ разговоръ о плитахъ и, объяснивъ о неприличіи подобнаго распоряженія, далъ совѣтъ возстановить разрушенные надгробные памятники. При этомъ онъ сдѣлалъ намекъ, что еслибы настоятель довелъ до свѣдѣнія одного изъ богатыхъ лицъ этой фамиліи о погребенныхъ въ монастырѣ его родичахъ, то лице это не затруднилось бы прислать монастырю богатый вкладъ. Настоятель обѣщалъ все это исполнить. На возвратномъ пути Бороздину пришлось проѣзжать чрезъ тотъ же монастырь. Онъ обратилъ вниманіе на дорогу отъ собора къ настоятельскому дому и нашелъ, что камни оставались тѣже, но надписи были всѣ тщательно сглажены.

Бороздинъ принадлежалъ къ числу людей, которые занимаются наукою по безкорыстной къ ней любви и для собственнаго удовлетворенія; но и безъ особеннаго напряженія. При томъ же обязанности по службѣ, которую онъ проходилъ во всю свою жизнь съ небольшими промежутками, не позволяли ему усидчиво и съ большимъ постоянствомъ трудиться надъ историческими и генеалогическими изслѣдованіями. Между тѣмъ, неусыпно слѣдя за всѣми явленіями по той отрасли, которой онъ себя посвятилъ, онъ обратилъ вниманіе на изданную, въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и договоровъ, духовную грамоту вел. князя Дмитрія Іоанновича, которую издатели приписали одному изъ внуковъ вел. кн. Іоанна III. Но найдя это ошибочнымъ, онъ доказалъ, что грамота должна принадлежать не внуку, а сыну Іоанна III и родному брату вел. кн. Василія, Дмитрію Іоанновичу Углицкому (Жилкѣ). Написанная Бороздинымъ статья объ этомъ напечатана въ Сѣверномъ Архивѣ, 1823, Ч. VI, стр. 400 (№ 12) подъ заглавіемъ: «Историческое изслѣдованіе духовной грамоты вел. кн. Дмитрія Ивановича» безъ подписи имени сочинителя.

Въ 30-хъ годахъ предпринято было Плюшаромъ изданіе Энциклопедическаго Лексикона. Образовался огромный кругъ ученыхъ по всѣмъ отраслямъ знаній, изъявившихъ желаніе содѣйствовать этому предпріятію. Бороздинъ принялъ дѣятельное въ немъ участіе. У него уже было собрано много матеріаловъ по родословіямъ какъ Русскихъ князей такъ и дворянскихъ фамилій; но, не желая объявлять своего имени, онъ выпросилъ позволеніе у Александра Васил. Висковатаго, (тогда еще молодаго человѣка, только что вышедшаго на поприще ученой дѣятельности и съ которымъ онъ не задолго передъ тѣмъ сошелся) выставлять подъ напи-

санными имъ статьями буквы А. В. Подъ этими буквами и помѣщены всѣ статьи Константина Матвѣевича, такъ например: *Бороздины.*

Я живу здѣсь въ сиротствѣ, то есть безъ библіотеки, которая почти вся въ деревнѣ. Въ противномъ случаѣ я могъ бы указать всѣ статьи, составленныя Бороздинымъ и подписанныя буквами А. В. Но это я думаю, въ настоящее время и не нужно, а будетъ годиться для полной біографіи Бороздина.

Въ 1841 году онъ началъ печатать свои «Родословія дворянскихъ фамилій» и издалъ девять книжекъ, помѣстивъ въ каждой по одной фамиліи. Такимъ образомъ изданы родословія: дворянъ Нащокиныхъ, Измайловыхъ, дворянъ и графовъ Апраксиныхъ, дворянъ и графовъ Бенкендорфовъ, графовъ Ефимовскихъ, дворянъ и графовъ Матюшкиныхъ, графовъ Скавронскихъ, дворянъ Дивовыхъ и Арсеньевыхъ. Каждая книжка имѣла свое заглавіе: Опытъ историческаго родословія дворянъ, или дворянъ и графовъ (такихъ-то) С.-Пб. 1841. Это были дѣйствительно опыты, и назначались не для публики. Они печатались только въ 40 экземплярахъ и ими Бороздинъ хотѣлъ вызвать другія фамиліи къ доставленію ему тѣхъ свѣдѣній, которыя члены этихъ фамилій могли бы найти въ своихъ семейныхъ архивахъ, и которыхъ ему недоставало для возможной полноты его родословій. Но въ этомъ отношеніи онъ не имѣлъ никакого успѣха.

Бороздинъ собралъ прекрасную библіотеку, которую старался дополнять въ продолженіе всей своей жизни. Онъ велъ образъ жизни весьма скромный и почти уединенный, но любилъ, когда его посѣщали люди ученые, и въ особенности приходившіе къ нему просить совѣтовъ или пользоваться его знаніями и пособіями, находящимися въ его богатой библіотекѣ.

Изъ первыхъ на кого Бороздинъ, въ бытность свою попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа, обратилъ вниманіе, былъ нынѣшній Академикъ Н. Г. Устряловъ. Онъ только что перевелъ Маржерета и началъ издавать «Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ». Не могу сказать на сколько Бороздинъ принималъ участія въ этомъ изданіи. Но несомнѣнно то, что онъ оказывалъ самое полное поощреніе въ трудахъ тогдашняго молодаго ученаго. При изданіи же «Сказаній Князя Курбскаго» мы видимъ, что Бороздинъ далъ Устрялову свою рукопись сочиненій Курбскаго, послужившую для варіантовъ. Отъ него же Устряловъ получилъ и опальные синодики, которые онъ и напечаталъ въ своей книгѣ. Изъ студентовъ университета, кончившихъ курсъ во время попечительства Бороздина, онъ особенно поддерживалъ А. В. Никитенка, которому и далъ ходъ; Ѳ. В. Чижова, нынѣшняго Московскаго дѣятеля, а въ началѣ своего

поприща занимавшаго каѳедру математики въ званіи адъюнкт-профессора; В. Печерина, котораго онъ высоко ставилъ за его способности къ изученію языковъ. Прибавимъ къ нимъ покойнаго В. С. Порошина, который, намѣреваясь сдѣлать 2 изданіе записокъ дѣда своего, хотѣлъ наполнить ихъ біографическими примѣчаніями о лицахъ, упоминаемыхъ въ запискахъ. Всѣ эти примѣчанія составлялись по указаніямъ и при самомъ дѣятельномъ участіи Бороздина. Но кажется изданіе это не осуществилось.

Я упомянулъ выше о его библіотекѣ. Она досталась его дочери Е. К. Корсаковой, которая, по движенію благороднаго чувства къ общественной пользѣ, подарила ее Румянцовскому Музею. Въ 1864 году я видѣлъ ее тамъ въ полномъ составѣ.

Прошу ко всѣму этому Вашего снисхожденія. Продолженіе изготовляется. Искренно Васъ почитающій

Д. П.

Дополненіе къ письму отъ 19-го іюня 1869.

Плодомъ путешествія Бороздина по Россіи было собраніе превосходныхъ рисунковъ, составившихъ 4 огромные фоліанта въ формѣ альбома, хранящіеся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Бороздинъ началъ путешествіе съ сѣверной части Россіи и посѣтилъ Старую Ладогу, Тихвинъ, Устюжну, Череповецъ, Бѣлозерскъ и Вологду. Этимъ мѣстамъ посвящены двѣ части рисунковъ, въ числѣ 48. Къ каждому изъ нихъ приложено болѣе или менѣе подробное описаніе изображенныхъ на рисункѣ предметовъ. Кромѣ замѣчательныхъ зданій и древнихъ вещей, видѣнныхъ Бороздинымъ на этомъ пути, онъ обратилъ вниманіе на одежду мѣстныхъ жителей и преимущественно на женскіе головные уборы.

Съ сѣвера Бороздинъ проѣхалъ прямо въ Кіевъ. Почти вся 3-я часть (1, 1810 года) посвящена ему. Здѣсь изображены и описаны: самый городъ, Десятинная церковь, Софійскій соборъ съ его мозаиками и Ярославовою гробницею, Спасъ на Берестовѣ, Кіево-печерская Лавра съ ея пещерами, городъ Любичь, Остеръ, Бѣловѣжскій городокъ и Нѣжинъ. Въ части 4-й (II, 1810 г.) описаны Черниговъ, Елецкій и Ахтырскіе монастыри, нѣсколько городищъ, каменныя бабы, Курскъ, Боровскъ и Тула.

Бороздинъ былъ больше историческій изслѣдователь нежели археологъ въ тѣсномъ значеніи этого слова. Поэтому и въ описаніяхъ его, приложенныхъ при рисункахъ, у него преимуществуетъ сторона историческая и, какъ его спеціальность, генеалогическая. Такъ, при рисункѣ серебренаго ковша (Ч. II, рис. X), принадлежавшаго князю Ивану Ива-

новичу Кубенскому, означено кто именно былъ этотъ князь Кубенскій; такія же замѣчанія сдѣланы о князѣ Иванѣ Алексѣевичѣ Воротынскомъ (тамъ же, рис. XI), о князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ Мстиславскомъ (тамъ же, рис. XIV), о Владимірѣ Андреевичѣ, князѣ Старицкомъ (тамъ же, рис. XVIII). Какъ на историческія изслѣдованія слѣдуетъ указать на планъ окрестностей древняго Кіева, на карту великаго княжества Кіевскаго до нашествія Татаръ, (Ч. III, рис. II и III) и на такія же планы и карту города Чернигова и Черниговскаго княжества. Все это названо въ описаніи первыми опытами. Также любопытно описаніе двухъ плановъ города Остра и Бѣловѣжскаго городка съ повѣркою сказаній объ нихъ Татищева и Болтина. Къ этому прилагается подробное библіографическое описаніе рисунковъ къ путешествію Бороздина.

Послѣ Бороздина осталось множество матеріаловъ, относящихся къ генеалогическимъ его трудамъ. Но кромѣ нхъ есть еще любопытное его сочиненіе: Географія Россіи по лѣтописи съ Воскресенскаго списка (издан. Акад. Н. 1793 г.).

12-го Марта 1874 года.

Записка поданная Д. В. Полѣновымъ въ Историческое Общество *).

Въ число государственныхъ дѣятелей царствованія Императрицы Екатерины II могли бы еще войти:

1) Митрополитъ Гавріилъ, котораго Екатерина особенно отличала за его обширный умъ. Между прочими знаками уваженія къ нему Императрицы служитъ то, что она посвятила ему переводъ Мармонтелева «Велисарія». Объ этомъ іерархѣ есть краткое жизнеописаніе, составленное В. А. Полѣновымъ и подробное, написанное въ 50-хъ годахъ епископомъ Макаріемъ. Поясное изображеніе его, въ формѣ барельефа, находится въ большомъ соборѣ Александро-Невской Лавры.

2) Елагинъ, Иванъ Перфильевичь, не какъ литературный дѣятель, а какъ лице близкое къ Екатеринѣ по исполненіи тѣхъ порученій по государственнымъ дѣламъ, которыя она на него возлагала съ самаго начала своего царствованія.

3) Храповицкій, Александръ Васильевичь. Оставленныя имъ записки, вновь изданныя въ началѣ нынѣшняго года, ясно обрисовываютъ его дѣятельность и то вниманіе и довѣріе, которыми удостоивала его Императрица Екатерина.

---

*) По поводу проэкта украсить скверъ около памятника Екатерины статуями дѣятелей ея царствованія.

Къ литераторамъ и ученымъ слѣдовало бы прибавить:

4) Княжнина, Якова Борисовича, извѣстнаго своими театральными произведеніями въ разныхъ родахъ, какъ то: трагедіями, комедіями и операми.

5) Палласа, академика, знаменитаго путешественника, принимавшаго дѣятельное участіе въ составленіи «Сравнительнаго Словаря всѣхъ языковъ и нарѣчій», надъ которымъ трудилась сама Екатерина.

6) Лепехина, Ивана Ивановича, замѣчательнаго ученаго по естественнымъ наукамъ, сопутника Палласа въ началѣ его путешествія и перваго непремѣннаго секретаря бывшей Россійской Академіи.

Нѣкоторыя лица, ознаменовавшія себя по части искуствъ могли бы также украсить скверъ. Изъ нихъ—

7) Бортнянскій, Дмитрій Степановичь, директоръ придворнаго пѣвческаго хора, прославившійся своими сочиненіями церковной музыки.

8) Кокориновъ, строитель зданія Императорской Академіи Художествъ.

9) Левицкій, Дмитрій Григорьевичь. Его портретъ Екатерины, находящійся въ Публичной Библіотекѣ, даетъ ему достаточное право быть въ числѣ лицъ, прославившихъ Ея царствованіе.

Если еще не поздно, то прошу присовокупить изложенныя здѣсь данныя къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя уже доставлены прочими членами Историческаго Общества.

12-го Марта 1874 года.

(4-го января 1878 года.)

Къ Степану Ивановичу Пономареву.

Къ монографіи С. Пономарева: Іерусалимъ и Палестина (Прилож. къ XXX т. Запис. Импер. Акад. Наукъ, стр. 15, № 63).

Графъ Остерманъ — Толстой путешествовалъ по Востоку въ 1833 году. Онъ началъ съ того, что осенью заѣхалъ въ Грецію. Въ этомъ году въ январѣ мѣсяцѣ только что прибылъ туда первый Греческій король Оттонъ и основалъ резиденцію свою въ укрѣпленномъ городѣ Навпліи, (Наполи ди Романія). Графъ Остерманъ остановился въ Греціи на нѣсколько дней, но не въ Навпліи, а въ Аргосѣ, лежащемъ въ разстояніи около часа ѣзды отъ Навпліи. Русскій посланникъ Катакази счелъ долгомъ навѣстить гр. Остермана и предложилъ ему переѣхать въ Навплію гдѣ онъ могъ бы найти болѣе удобствъ для отдыха, чѣмъ въ бѣдномъ Аргосѣ. Гр. Остерманъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ видѣть города, озна-

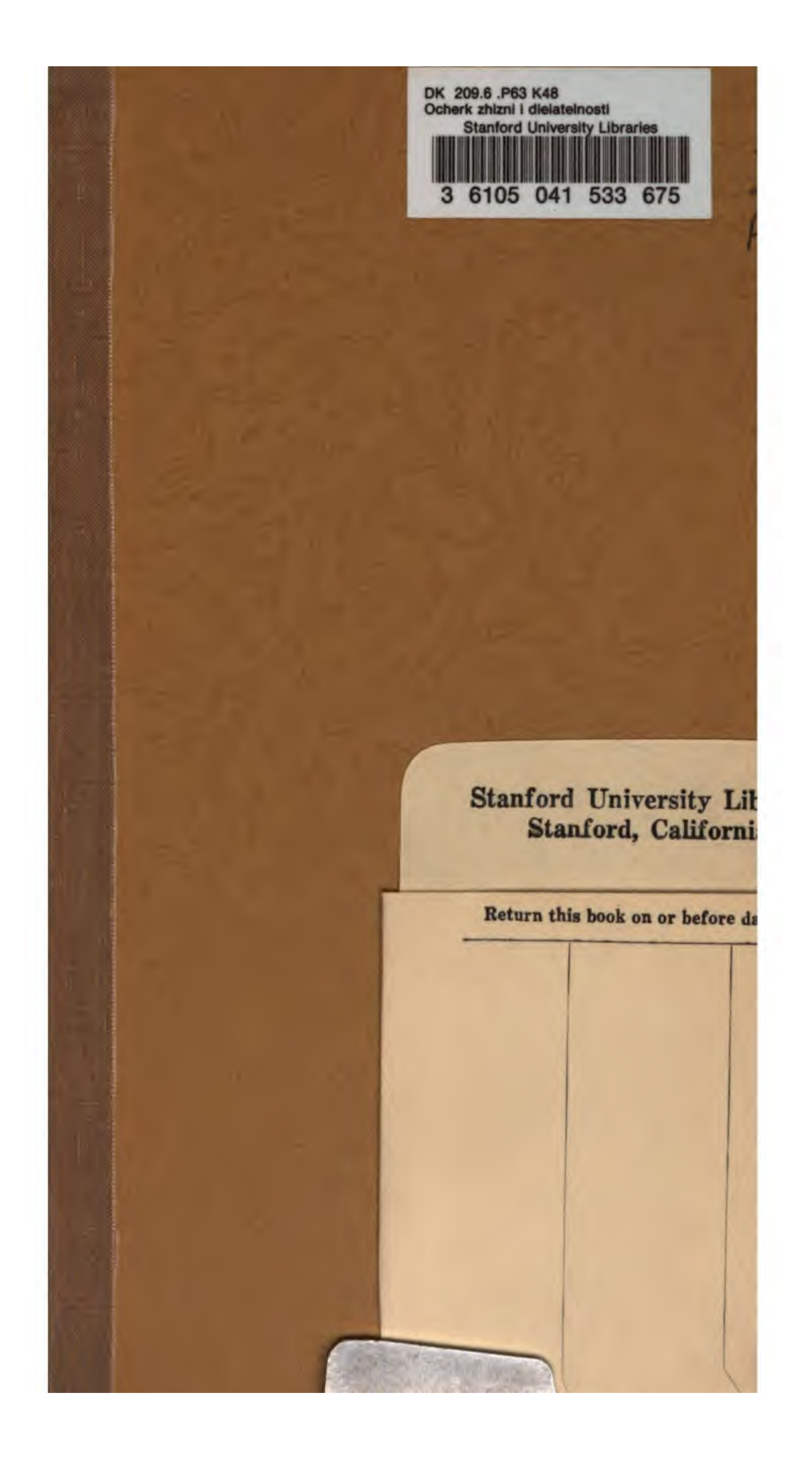
меновавшаго себя злодѣйскимъ событіемъ — убійствомъ графа Каподистрія. Гр. Остерманъ пробылъ въ Аргосѣ около трехъ дней и отправился далѣе на востокъ. Кажется путешествіе его было чисто паломническое и его не сопровождали никакіе ученые и художники.

В. П. Давыдовъ (нынѣ графъ Орловъ-Давыдовъ), пріѣхалъ въ Грецію лѣтомъ 1835 года. Онъ дѣйствительно путешествовалъ съ ученою и художественною цѣлію. Его сопровождали К. П. Брюловъ, архитекторъ Н. Ефимовъ, и нѣмецъ, выдававшій себя за археолога. Они проѣхали сѣверную часть Мореи и въ іюнѣ мѣсяцѣ прибыли въ Аѳины, гдѣ король и правительство основали свою резиденцію. Здѣсь Брюловъ и археологъ оставили Давыдова. Ефимовъ тоже куда то уѣхалъ, и уже присоединился къ Давыдову, когда послѣдній отправился на Аѳонъ. Изъ Аѳинъ Давыдовъ поѣхалъ въ Смирну въ совершенномъ одиночествѣ. Плодомъ этого путешествія были изданныя имъ путевыя записки. Кромѣ того онъ заказалъ вылѣпить и сдѣлать изъ гипса нѣсколько метопъ отъ Парѳенона, которые и подарилъ Академіи Художествъ. Пишу все это какъ очевидецъ.

Д. П.

DK 209.6 .P63 K48
Ocherk zhizni i dieiatelnosti
Stanford University Libraries
3 6105 041 533 675
Stanford University Lil
Stanford, Californi
Return this book on or before da

